Читайте:

4 Внимание: конкурс! «Искусство видеть мир»

8 Михаил КОНЬШИН Жить для людей

10-12 У нас в гостях поэты из ХМАО: Е. КАПИТАНОВА, В. КВАШНИН, Е. АУШЕВА

14 Александр ПОЛЫНКИН: Как уроженец Орловщины... женился

18 Геннадий МАЙОРОВ: Чёрная осень

24 Валерий АНИШКИН: Моя карма

26 У нас в гостях прозаик Елена СОЛОВЬЁВА

27 У нас в гостях прозаик Андрей АНТИПИН

28 Геннадий ГИЛЕВСКИЙ: Четыре рассказа о войне

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»
Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92
Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru
Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9
Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ
Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

В этом году мы держим руку на пульсе трёх знаковых литературных конкурсов: «Небываемое бывает» – к 350-летию Петра Первого *(сайт: союзписателей-57.рф)*, «Искусство видеть мир» – к 130-летию К. Паустовского и «Левитов-ФЕСТ» *(levitovfest.ru)*.

О последнем хочется сказать особо. Его инициатор Анна Харланова – липецкий поэт, прозаик; член Союза российских писателей, МГП, ТО ДАР. Она же – идейный вдохновитель и главный организатор Премии и фестиваля «Левитов-ФЕСТ». Во время нашего посещения Липецка с Всероссийским просветительским проектом «Вечный огонь» (или – «Из книги – на экран») Анна Павловна вместе с единомышленниками организовала несколько творческих встреч в библиотеках и на молодёжных площадках, тем самым закрепив содружество городов-соседей.

Мне всегда импонировали люди, умеющие проводить в жизнь собственные проекты не за счёт бюджета, а пытаясь увлечь своими идеями бизнес и неравнодушных сограждан. Вот и Анна Харланова сумела «раскрутить» левитовский

конкурс с солидным призовым фондом. А главное – за два сезона появилось немало талантливых литераторов, многие из которых «варились в собственном соку», а сейчас их горизонты сотрудничества с профессиональными писателями расширились. Это маленький, но очень важный «кирпичек» в многотрудном поиске новых форм приобщения людей к чтению, к пропаганде русского языка, к разносторонним и полезным занятиям литературой.

Так что, друзья, участвуйте в конкурсах.

И добивайтесь успеха!

№27' март2022

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:
РИФ «3-е ИЮЛЯ»
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02
Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1) Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.03.2022 г. Выход в свет: с 01.03.2022 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа «Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №27-НО+
Цена свободная

16+

Инесса РОДИОНОВА

Родионова Инесса Геннадьевна (г. Пенза) — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
Член жюри Всероссийского конкурса «Искусство видеть мир»

Ждём новые таланты

Паустовского нужно читать. Потому что все его книги наполнены огромной любовью к людям: большим и маленьким, известным и неизвестным. Он одинаково нежно и трепетно рассказывает о «великих музыкантах» и «скромных стекольных мастерах», о выдающихся писателях и художниках и обычных деревенских мальчишках. Потому что главное для настоящего Мастера – показать красоту не внешнюю, а внутреннюю – красоту души и красоту человеческого сердца.

Паустовского нужно помнить. И эта память может найти воплощение в творчестве сегодняшних детей – в их стремлении научиться видеть самое главное – то, чего «глазами не увидишь», потому что «зорко одно лишь сердце», как сказал Антуан де Сент Экзюпери устами своего героя. И совершенно неважно – станут эти сегодняшние мальчишки и девчонки настоящими писателями или нет. Важно, чтобы искра любви и добра, зажжённая Паустовским, передавалась от поколения к поколению с помощью Великого Русского Слова и никогда не гасла.

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ

Услышать новое поколение

Никольская Татьяна Евгеньевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Литературного института имени А.М. Горького, редактор, автор многочисленных статей о русском языке, культуре речи и стилистике. Преподаёт как приглашённый профессор в США, ведёт авторские курсы по русской культуре и литературе.
Член жюри Всероссийского конкурса «Искусство видеть мир»

«Они другие!» – так сегодня говорят о родившихся в начале двухтысячных. Их называют зумерами, зетами, цифровыми аборигенами, изучают их повадки и описывают, как будто они неведомые инопланетные существа. Ищут способы коммуникации с «инопланетянами», а те остаются для сталкеров от образования и воспитания «чёрными ящиками». А что если мы изобретаем велосипед, а на самом деле для того, чтобы понять тех, кто пришёл в мир в XXI веке, надо заменить местоимение «они» на «мы», вынырнуть из пугающей и затягивающей нас цифровой реальности и вместе пройти, как говорил Паустовский, «по заросшей гусиной травой колее дороги», проплыть на байдарке по «извилистой лесной реке» и прислушаться «к каждому пересвисту птицы в лесной чаще»? И родная природа вернёт нам тот язык, для которого не нужен переводчик.

Всероссийский литературный конкурс «Искусство видеть мир», посвящённый 130-летию К.Г. Паустовского, нацелен не только на поиск талантливых юных прозаиков и создание условий для их творческой самореализации. Этот конкурс поможет нам, людям XX века, услышать новое поколение, понять, что между нами нет непреодолимой пропасти, потому что все мы говорим на языке, «образность и волшебность» которого, по словам К.Г. Паустовского, связана «с природой, с бормотаньем родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами». Это язык любви к родной земле, к её неброской красоте и мучительной истории. Язык, позволяющий рассказать о чуде в повседневной жизни.

К.Г. Паустовский долгие годы преподавал в Литературном институте имени Горького, даже заведовал кафедрой литературного мастерства, главной в этом вузе. Среди его студентов был В.Ф. Тендряков, чьё имя громко звучало в 50-е – 70-е гг. Он писал: «Константин Георгиевич Паустовский не знает и не может знать всех своих учеников, их по стране не тысячи – миллионы. В любом городе, в любой деревне от Колхиды до Белого моря, от берегов Балтики до Тихого океана – всюду можно встретить горячих поклонников Паустовского. А уж если уважаешь писателя, то, значит, чему-то учишься у него неизбежно». Сегодня, благодаря литературному конкурсу «Искусство видеть мир», у Паустовского появятся ученики – дети нового века. И, какими бы необычными словами их ни называли, мы можем быть уверены, что связь времён не прервётся: мы говорим на одном языке.

Условия конкурса на сайте: **союзписателей-57.рф**

Ольга Петровна Клюкина (г. Калуга) – прозаик, сценарист, член Союза российских писателей, обладатель Золотого диплома XI Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2020 г.) за книгу для детей.
Член жюри Всероссийского конкурса «Искусство видеть мир»

Ольга КЛЮКИНА:

– В автобиографической «Повести о жизни» Паустовский пишет о том, что он с раннего детства любил страстно природу.

«…Люди обычно уходят в природу, как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека», – поделился Константин Георгиевич одним из важнейших открытий своего детства.

Мальчиком он мог часами сидеть на лесной поляне: смотреть на деревья, цветы, наблюдать за полётом птиц и шмелей – и ему не было скучно или одиноко. Наоборот, в такие минуты он понимал что-то самое важное о жизни и о самом себе. Потом была взрослая жизнь, война, годы творческой работы, мечты, книги…

Я искренно надеюсь, что Всероссийский литературный конкурс «Искусство видеть мир», посвящённый 130-летию со дня рождения К.Г. Паустовского, поможет его участникам раскрыть в себе творческие способности и умение замечать прекрасные подробности жизни.

Острая помидорная недостаточность

(отрывок из повести «Дубовая грива»)

– Ох, какой маленький!

– Ух, какой бледненький!

– Ах, какой худенький!

– Надо Ванечке его срочно показать!

Большая тётя Лиза обступила Сашку со всех сторон, охала и ахала на разные голоса.

– А кто этот Ванечка? – подозрительно спросила мама. – Говорили же, на турбазе кроме вас нет никого.

– Ванечка – тоже мы. Врач скорой помощи, сосед, у него сад через протоку. В отпуске как раз. Кру-гом, Александер, – по-военному скомандовал дядя Серёжа. – Шагом марш!

При виде фанерного домика с красным крестом на двери у Сашки резко испортилось настроение. Даже на необитаемом острове среди Волги где-нибудь непременно есть медпункт, шкаф с блестящими и острыми медицинскими инструментами и вредный старичок в белом халате.

Но в домике на железной кровати сидел молодой человек в тельняшке с чёрной бородой. Вокруг него повсюду лежали помидоры – на столе, на подоконнике, на газетах под кроватью. Они были всех размеров и цветов: красные, розовые, жёлтые, зелёные… Дядя Серёжа что-то шепнул на ухо бородачу, и тот спросил строго:

– Так-так, значит. И какие витамины принимаете?

– Мы только что… курс поливитаминов… пропили… и витамин Е в капсулах, – ответила мама, виновато моргая глазами.

Она всегда начинала так моргать, когда разговаривала с врачами или учителями.

– А помидоры ты любишь? – повернулся к Сашке странный врач.

– Нет… как-то не очень.

– Диагноз ясен: острая помидорная недостаточность, – сказал человек в тельняшке. – Лечиться будем так: по одной помидорине три раза в день во время еды.

– Я же серьёзно… Извините, Иван, не знаю, как вас по отчеству, – занервничала Лена. – И вообще… правильно говорить: помидор.

– Где-то, может, и помидор. А у нас в Саратове – помидора. Па-ми-до-ри-на! Это же песня.

Бородач залез под кровать и стал накладывать в пакет помидоры. Но сначала он каждую со всех сторон обнюхивал и разглядывал и выбирал самые спелые.

– Вот эти, розовые – утром, красненькие – днём, ну а жёлтые можно вечером. Рекомендую с крупной солью. Только не «Экстра». Хотите – с маслом, хотите – со сметаной. Не забудьте лучка и укропа покрошить. Майонез в салат – на самый крайний случай. Разрешаю только в первый день, для адаптации. Когда витамины закончатся – ещё приходите. Дозировку ни в коем случае не снижать! А теперь идите, мне на рыбалку пора…

Сашка вышел из домика, прижимая к груди полный пакет помидоров – таких душистых, что у него защекотало в носу. Он не выдержал и достал верхнюю – розовую, с ярким зелёным хвостиком и светлым бочком.

– Можно я одну сразу съем?

– А ты разве хочешь? – удивилась мама.

На вкус помидорина оказалась сладкой, а на вид – словно её посыпали солью, в маленьких розовых паутинках.

Сашке захотелось попробовать ещё и жёлтую.

– Ай да Ванечка! – тихо засмеялась мама. – И ведь правда – скорая помощь!

Владимир ЕРМАКОВ

ПО ТЕЧЕНИЮ ВРЕМЕНИ

своемерные заметки на полях календаря

Март: коварство и любовь

Снег, словно нежная пудра с пуховки облака, чисто и ровно покрывает все изъяны пейзажа, и безупречная белизна завораживает взор. Зима, как стареющая красавица, старалась произвести впечатление на очевидца её уходящей красоты. Ну что, разве я не хороша? Разве вам не жаль со мной расстаться? Как можно меня, снежную королеву, променять на ветреную весну, на эту сопливую девчонку, из молодых да ранних, – неверную, невзрачную, неряшливую…

С философской точки зрения, конечно же, нельзя пренебрегать тем, что есть, поддаваясь искушению того, что будет, но – что греха таить? – нам не жаль уходящей зимы. Более того, она нам надоела своими непомерными претензиями на холодное совершенство. Ну какая же ты снежная королева! – ты просто старая дева с вздорным нравом, и зря ты так запоздало заневестилась – кружевная фата снегопада не скрывает твою отмороженную душу. Нет, никто не поспешит в твои ледяные объятья!

Зима осознает бесплодность своих усилий и перестаёт строить иллюзии. Вот она расслабилась, расстроилась, рассупонилась, раскисла серыми лужами; потом вдруг озлилась, взвилась, завьюжила… Ничего, надолго её не хватит, – не февраль же, в самом деле. Презрев последние зимние капризы, цыган из присказки цыкнул золотым зубом и пошёл продавать ненужную шубу.

Камни марта – синеватый аквамарин и зеленоватый турмалин: камни холодные и бледные, по гороскопу коварные. Их прозрачное сияние словно неразделённая любовь...

Знаки зодиака тоже не слишком обнадёживающие – две трети календарного срока мартом правят Рыбы, а последней декадой распоряжается Овен. Рыбы, по мнению астрологов, пробуждают чувствительность и страстность (это рыбы-то?!), но приветствуют замкнутость и ранимость (это больше похоже на рыбью кровь). Овен (по-нашему баран) выражает решительность и позитивность, но ему присущи ещё несдержанность и раздражительность. В общем... Минздрав предупреждает: будьте осторожны! МЧС, со своей стороны, тоже призывает к бдительности; особенно опасен истаивающий лёд...

Коварный мартовский воздух проникает глубоко в лёгкие, насыщая кровь куражом. Март, месяц Марса. А не пустится ли во все тяжкие, поправ резоны здравого смысла?

Согласно классической мифологии, Марс – генератор агрессии. Но генезис мифа неоднозначен. В начальной античности под эгидой Марса находилось земледелие, и потому первый месяц календаря по старинному праву был посвящён ему. Однако весна, помимо прочего, пора любви. И потому Венера в марте имеет свою законную долю. Как богиня пробуждающейся природы, она благоволит спонтанным порывам креативности, – в первую очередь, конечно, эротической. Если верить олимпийским сплетням, – а не верить им скучно, – богиня любви завела амурную связь с богом войны, коварно изменив простодушному мужу, богу ремёсел. Что ж, Вулкану следовало быть настороже... с незапамятных времён своенравные жёны благосклонны к бравым военным.

Самый значимый день месяца – 8 марта: ***Международный женский день***. Странная смесь пафоса с эросом; отдавать должное достоинству женщины, правду сказать, мы так и не научились. Директива на праздник дана, а регламент не разработан. Мужчины стараются доказать, что они любят женщин (кто бы сомневался!), но… получается не очень. Женщины делают вид, что относятся всерьёз к этому неуклюжему ритуалу, и лукавят так умело, что мужчины почти верят им, и охотно тратятся на привядшие цветы, полусладкое шампанское и противные торты (которые так плохо идут под водку).

Разве о таком век назад грезили предвестницы эмансипации, требуя равных прав? Разве к этому стремились фурии суфражизма, грудью теснившие заслоны полиции и лупившие отцов города зонтиками по котелкам? Увы, наши стремления, сбываясь, оборачиваются насмешкой над нашими усилиями. День солидарности второго пола извратился в торговую оргию. Злые осы феминизма вязнут в розовом сиропе гламура.

Так вот и празднуем. Как умеем. А умеем не очень. Бездарные поздравления и безвкусные подношения не столько радуют женщин, сколько досаждают им. И комплименты какие-то притворные, и духи какие-то приторные; что до подарков… бойтесь данайцев, дары приносящих! Основное содержание праздника составляет ритуал принесения символических жертв женскому началу... которое скрытно репрессируется в нашей культуре все остальные дни года. Легкомысленная богиня, курирующая вечную женственность, почивает на лаврах и розах.

В душе каждого настоящего мужчины весной обостряется шизофренический кризис: несостоявшийся

Дон Жуан ревнует жизнь к несбывшемуся Дон Кихоту.

Вот и я каждый раз в этот день я испытываю кризис идентичности: переживаю психологическое несоответствие предложенным обстоятельствам. Во мне есть решимость сделать что-то хорошее… но что? Я и так весь год всей душой предрасположен к прекрасному полу, – но демонстрировать оную склонность каким-то особо выразительным способом решительно не способен. Красивый жест, регламентированный ритуалом, становится пустым и пошлым. О, эти ритуальные возложения осыпающихся мимоз к подножию утраченных прекрасных иллюзий…

Все четыре стихии в мартовские дни задействованы в таинстве весны. Солнечный жар плавит ледяное крошево; талую воду слизывает ветер и всасывает земля. По разбитым дорогам зима уходит из наших городов и весей.

А весна идёт встречным курсом... идёт себе – ни шатко, ни валко. Мелкий нудный дождь охлаждает преждевременный энтузиазм. (Разве это погода? это не погода, – это хандра, распространяющаяся воздушно-капельным путём). Тает снег, расходясь вдоль и поперёк дорог грязными ручьями. Вытаивает разная дрянь: железки и склянки, клочки и сучки; прелые листья, похожие на собачьи экскременты, и собачьи экскременты, похожие на прелые листья... Как неряшлив и невзрачен этот мир на исходе зимы! неприятен – и неприютен. Боже, как всё запущено… Но! – меняется направление ветра, и меняется настроение времени.

Выходишь утром из дому – и от первого глотка свежего воздуха мгновенное головокружение. Нет, это уже точно – весна! Яснее всего она ощутима в атмосфере. Всё прочее ещё мутно и неясно, но воздух – евангельский! К волнующим испарениям просыпающейся земли утренним холодком приморожены эйфорические пары эфира. А ещё в весеннем воздыхании чуткому сердцу слышна нотка печали, придающая растрёпанным чувствам высокий стиль. Так в благородном вине всегда есть привкус горечи, а к настоящей любви примешан страх утраты. Эта весёлая тревожность в душе, эта лихорадочная трепетность в крови – это и есть весна.

Вот ещё знаковый день первого весеннего месяца: на 21 число назначен ***Всемирный день поэзии***. Что может быть благороднее и возвышеннее этого праздника? И нужнее для нашего прозаического времени? Поэзия – профилактика сердечной недостаточности. Поэзия есть явление великодушия. Чтобы выжить, ума и таланта не нужно, – достаточно хитрости и силы. А вот чтобы жить, жить в полном смысле слова, необходимо богатое воображение. Настоящую жизнь от простого существования отличает прекрасная странность, которую в силах выразить только поэзия.

День поэзии совпадает в календаре с весенним равноденствием. Это символично. И это естественно. Грамотному человеку хочется взять перо и зарифмовать всю ерунду, кружащуюся в голове. Иногда я поддаюсь порыву. Вот как сейчас –

Солнце по снегу стелется блеском,
сильным и резким в зеркале лужи.
Мокнет дорога, а в перелесках
с ночи забыто чуточку стужи.

В чересполосице грязи и снега
конь, отощавший на зимней диете,
тащится краем дороги; телега
шатко и валко едет и едет.

Сонный осинник в зябкой низине.
Голой берёзы промах и прочерк.
Воздух пропитан сладким и синим,
и золотым, и печальным, и прочим...

Что-то вершится. Скрытно и втайне.
Звякнув, ледышка свалится с ветки:
то ли подтаяв, то ли задел кто...
ветка взметнётся, вздрогнет – и станет.

Скудный мой край, где всё ладно и кстати –
лога продольность, тихость лесная.
Горло остудит и перехватит –
боль или счастье? право, не знаю.

Март за городом и март в городе сосуществуют нераздельно и неслиянно, как две природы – первая и вторая. Но если хоть однажды отравился тонким коварством марта, сладкая боль в тающем сердце, – беспричинная и бесцельная, как первая любовь, не забывается...

То ли простужен, то ли пристужен.
Я на природе бываю нечасто.
Крошится, крошится в корочке наста
путаный след, безнадёжно простывший.

Земля, отпущенная морозами, постепенно выходит из летаргии. Напитанная поверху талыми снегами, земля расползается под шагами и липнет к ногам: она сейчас не почва; она пока лишь грязь. Она ещё не готова лечь под лемех плуга; ещё не время… Лопаты дачников ржавеют до срока по сараям, но заступы могильщиков не знают отдыха. Смерть обложила города и веси подушным налогом, и, невзирая на кризис, кладбища заполняются в том же темпе, что и всегда. А то и быстрее... Так уж устроен этот мир – на всякую искреннюю страсть отвечает непременно и непредвиденно: то чудотворством, то коварством. Эрос и танатос, любовь к жизни и ревность смерти, делят между собой смятенную душу, как римские солдаты делили ризу распятого на кресте... В марте об этом думается как-то особенно.

Что-то я упустил, подбивая в эссе предварительные итоги переходного периода... Ах, да! – я же не завершил мартовское стихотворение. Пусть оно кончится легко и просто, без всякой морали на выходе – почти никак:

К вечеру тени вычертят грани,
карты проталин в поле разметят.
Над перелеском выплывет ранний
полупрозрачный мартовский месяц.

«Жить для людей»

Почётный гражданин Орловской области, Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, кавалер многих высоких наград и званий и просто неординарный, яркий человек Николай Максимович Кутузов отметил замечательный юбилей

Михаил КОНЬШИН

За плечами – целая жизнь

Ему исполнилось 80. Глядя на него, всегда подтянутого, бодрого, элегантно одетого, с аккуратной вихрастой прической и доброй улыбкой на лице, не хочется верить в эту цифру.

– Да я и сам не особенно верю, – улыбаясь, соглашается он. – Но время неумолимо. Жизнь катится вперёд, не зная остановки. Иногда подумаю: всё, хватит, Николай, поработал. Пора бы и на отдых. Только представьте: почти 60 лет, как только окончил институт, практически без перерыва жизнь и судьба вместе с Родиной доверяла мне разные посты. От простого колхозного бригадира до руководителя важнейшей областной структуры.

Восемь раз, будто военный человек, вместе с семьёй колесил по области, переезжал с места на место, из района в район, обживался, обустраивался, привыкал к новым обстоятельствам и условиям работы. Оглянешься назад, вспомнишь порой – и не верится самому: сколько же всего пережито, пройдено и видано?! Но надо ли сетовать? Нет у меня для этого никаких оснований. Это всё моя жизнь, которая сложилась так, как сложилась.

В двух шагах от дома

Он появился на свет, когда уже вовсю шла война и немцы хозяйничали в их хуторском поселении в Кромском районе. Отец, участник финской компании, уходя воевать с германцами, сказал жене, которая была в положении: «Варя, рожай, эту немчуру мы всё равно прогоним».

Николай родился на печке, какая там больница, какие врачи. Роды принимала деревенская бабка-повитуха, Душа, как звали её в народе. И было это на Николин день, 19 декабря, так что с именем гадать не пришлось. Немцев попросили из хаты и, надо же, согласились, ушли. А за окном мороз, снегопад. В ту пору немчуре уже досталось под Москвой, потише стали, посговорчивей.

А почему день рождения 15 января? Так война же, кто там тогда что записывал. Вот и «омолодили» Колю Кутузова, считай, что на целый год, получается не в 41-м родился, а в 42-м. Но это не самое страшное. Страшное случилось 5-го августа 43-го, в день, когда немцев выгнали из Орла. Именно в этот день в бою за деревню Черкасская, что под Кромами, в двух шагах от дома погиб его отец.

– Командир их части позвал к себе бойцов, которые знают эти места, – рассказывает Николай Максимович. – Готовились к атаке, а тут немецкие самолёты, бомба, отца-пехотинца засыпало двухметровым слоем земли. Об этом моей матери рассказал командир той части. Мама, как узнала о случившемся, прибежала, забрала тело своего мужа, похоронила его отдельно, не в братской могиле. Говорила, что ногти на его руках были вывернуты, он скрёб ими землю, до последнего пытался вырваться на поверхность.

Выбор

Война и послевоенные годы навсегда оставили свой след в душе Николая. Пухли от голода, ели лебеду, дикий лук, щавель, сиргибус, блины-«тошнотики», сделанные из прошлогодней мёрзлой картошки, вспоминает он. Выживали, как могли. С малых лет познавали цену труду, работали и в колхозе, помогая взрослым, и в своём подворье, ухаживая за домашней живностью. А живности с годами заводили много, поскольку иначе не прокормиться: корова, поросята, овцы, куры-гуси, собака, голуби под крышей… Ему нравилось возиться со всем этим беспокойным хозяйством, кормить, поить, проявлять заботу. В будущем это стало определяющим при выборе профессии.

– Трудностей мы, дети войны, тогда не боялись, – говорит он. – В начальную школу пешком ходили за пять километров, в среднюю – за десять. Каждый день: в дождь, в метель, по бездорожью. Хлюпиками и нытиками не были, зато знали цену человеческому участию, дружбе, взаимопомощи.

Николай ещё в школе отличался и учёбой, и активностью в общественной работе, был заводилой во многих

делах, возглавлял комсомольскую организацию. Получив аттестат об окончании десятилетки, два года работал в колхозе, стал бригадиром, и это в 18-то лет! Потом решил поступать в медицинский, но не прошёл, не хватило какого-то балла.

– Мой дядя, Василий Никонорович Рязанцев, человек рассудительный и авторитетный, в разговоре со мной выразился так: советую тебе, Николай, учиться на ветврача. Медицинский врач лечит человека, а ветеринар – всё, что вокруг человека. Тебе это больше подходит, любую животину ты знаешь и любишь. Это же видно. Иди, не пожалеешь.

Посылали, как на прорыв

Послужной список Николая Кутузова чрезвычайно богат и напоминает, образно говоря, ступеньки лестницы, идущей вверх. Чудесные годы – учёба на очном отделении Воронежского зооветеринарного института. Лекции, практика, студенческие вечера, яркие праздники, которые отмечала вся страна. Этого не забыть. А ещё были будни. Двадцать рублей стипендия. И по ночам – разгрузка вагонов угля на железнодорожной станции, пятьдесят рублей на пятерых. Нужно было и одеться, и обувь купить, и в кино хотя бы раз в месяц побывать.

Первое рабочее место – ветлечебница в Троснянском районе своей же, Орловской области. В те годы заведующим этой лечебницей был Александр Захарович Писарев, его Николай Максимович считает своим настоящим наставником.

– Он многое дал, многому научил с практической точки зрения, это бесценно, – говорит он. – Профессионалом был истинным, с большой буквы. На примерах показывал, как нужно обходиться не только с животными, но и с людьми. Сложная эта наука. Люди у нас хлебосольные, добрые. Немало ветврачей их доброта погубила.

Три года не прошло, как молодого способного специалиста, о котором хорошо отзывались и в хозяйствах, где держали общественное поголовье, и в деревнях, куда он приезжал, чтобы осмотреть, пролечить домашних животных, назначают главным ветеринарным врачом в Новосильский район, куда в ту пору входил и сегодняшний Корсаковский район. Это было большое доверие, серьёзная должность. На лошадке, на «кукурузнике», на «козле», как тогда называли старенькую модель УАЗа, исколесил вдоль и поперёк всю территорию новосильского края. Высокая мобильность, чуткость к просьбам людей и неизменные профессиональные навыки и тут не остались незамеченными. Кутузова, к тому моменту уже члена КПСС, назначают начальником управления сельского хозяйства в том же районе. А он однажды возьми и обмолвись, что хотел бы попробовать себя в должности руководителя хозяйства, пусть бы и самого слабого. Просьбу услышали и оказали доверие, сначала он возглавил совхоз «Дружба», а затем отстающий колхоз «Россия».

– Выражаясь сегодняшним языком, это был вызов, – считает Николай Максимович. – Я старался, не мог подвести ни себя, ни тех, кто за меня поручился. Через три года колхоз из отстающих превратился в миллионера. В чём секрет? В умении считать, работать с людьми, выбирать лидеров и ставить их на важные участки.

А по труду и честь. Молодого председателя наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это, кстати, была уже не первая его награда. И далеко не последняя.

И пошло-поехало. Его направляют на учёбу в Горьковскую ВПШ, оканчивал её экстерном, поскольку был отозван и назначен предриком, а позднее – первым секретарём Дмитровского РК КПСС. Следующая ступень – первый секретарь Мценского горкома партии, и уже в конце 80-х – начальник одела сельского хозяйства в обкоме КПСС.

– Я никогда не рвался на должности, меня всё время куда-то ставили, посылали, как на прорыв, где требовалось исправить положение дел, улучшить, выйти на результат, – признаётся он. – Помимо производства, приходилось решать и многие социальные вопросы, например, построили дорогу в сторону Железногорска в Дмитровске, объездную вокруг Мценска. Возводилось жильё, клубы, школы, детские сады. Не скрою: мне нравилось быть постоянно в деле, с людьми, это свойство моего характера, тут уж ничего не поделаешь. Я не бежал от публичности, не прятался, не отсиживался. Мне всегда было интересно то, чем я занимаюсь.

А как без гармони?!

Когда разрушили Союз и к власти пришёл Ельцин, областная администрация получила распоряжение: партийных функционеров в здание не пускать. Так Кутузов остался без работы. Ему предложили вернуться в профессию, возглавить областную ветслужбу, которая оказалась за годы перестройки в плачевном состоянии. И он, как это делал всегда, с головой окунулся в работу. За 15 следующих лет восстановил ветлечебницы и участки, открыл два десятка новых, сделал всё, чтобы избавить скот в нашей области от лейкоза и бруцеллёза.

– Однажды мне предложили приватизировать ветеринарную службу, это же золотое дно, говорили мне, будешь миллионером. Я ответил отказом: как можно? Это же всё народное, общее, наше. Ну и дурак, посмеялись надо мной, найдутся и без тебя. Нашлись, разумеется.

Заканчивая свой рассказ об этом светлом, обаятельном человеке, напомню ещё о том, что Николай Максимович – азартный музыкант и гармонист, семь лет назад учредил клуб гармонистов Орловской области. «А как без гармони? – удивляется он. – Это же душа народа». В Орле, у Центрального рынка, есть площадка, где по выходным слышен заливистый голос русских гармошек. Кутузов и там заводила.

– Он истинный патриот нашей Орловщины и всей России, – говорит о нём Нина Серых, известный в прошлом партийный работник. – Это наша гордость, наш золотой фонд.

Начиная с 2007 года, Николай Максимович возглавляет областной Совет ветеранов, крупнейшую общественную организацию, в которой насчитывается более 270 тысяч человек.

– Когда говорю жене своей, Антонине, с которой прожили в любви и согласии больше 50 лет, что надо бы уже на покой, она меня критикует: «Ну, что ты выдумываешь?! Я же знаю тебя, ты не сможешь сидеть сложа руки. Ты же всю жизнь с людьми, на виду, это твоя судьба». И я с ней не спорю. Не спорю, потому что она права.

Елена КАПИТАНОВА

Поэт, писатель, библиотекарь, участник литературного объединения «Югорские ваганты». Живёт в городе Ханты-Мансийске. Соавтор и координатор проекта «Школа сказочника» для детей, увлекающихся литературным творчеством, редактор книг «Сказочный атлас природы Ханты-Мансийска», «Сказочный путеводитель по Ханты-Мансийску». Стихи Елены опубликованы в совместных сборниках поэзии с Павлом Черкашиным и Анастасией Сенькиной «НасТРОЕние» и «В глубине бывающих дней». В 2020 году выпустила два персональных сборника «Начало» и «Пряник в рукаве».

«Опять приходит время перемен...»

ЖИЗНЬ

Ты говоришь о смысле бытия
Пространно, долго, сложно. Знаешь, я
Однажды у звенящего ручья
Сидела, наблюдая в тишине,
И мир у ног моих открылся мне
Во всей своей щемящей новизне.

Я видела, как гибкая трава
Теплом светилась и была жива,
Как щупальца морского существа.
Жива вода, и ею жив ручей,
И мошкара, звенящая над ней,
И ловкий, деловитый муравей.

Мне было мало лет, а мир – так прост.
И весь он был ответ, а не вопрос.
Земля дышала силой летних гроз.
И жизнь одна была – во мне и вне.
И столько разных смыслов было в ней
В одном лишь бесконечно длинном дне.

Ты говоришь о смысле бытия.
А я –
Хвоинка из того ручья.
И смело плещет жизнь через края,
И каждая секунда в ней – моя!

ПАМЯТЬ

На чердаке за ржавой раскладушкой
Нашлись нежданно старые игрушки.
В коробке жёлтой с надписью «галеты»
Их мама как-то спрятала на лето.
Но двадцать лет прошло без остановок,
И новый век стал в общем-то не новым.
И я не та… И что мне делать с ними?
И горько, что я помню их другими –
Совсем поблекли волосы Мальвины,
И не хватает шерсти в гриве львиной.
Так друг из детства на пустом вокзале
Встречается, не молод, сед и занят
Котомками, обедом или спором.
А ты внезапно с долгим разговором.
И образ детский, шумный, кареглазый
Вмиг разрушают две неловких фразы.
И лучше бы не открывать коробку,
Лишь изредка волнительно и робко
Тревожить память, где, как прежде, ярок
Мой Буратино – дедушкин подарок.

***

Опять приходит время перемен,
И лес, и зверь свои меняют шубы,
Пока не долиняют добела.
И тьма молочным сумеркам взамен
Идёт, решительно целует в губы,
Заглядывает в зеркала.
За ней не успевают фонари,
И в белых рамах чёрные полотна
Смущают неуместную герань
Под складкой тюля. Просто посмотри,
И в этой тьме увидишь что угодно,
Душевным взором заглянув за грань.
И верится: в тот миг, когда в окне
Ряды светил зажгутся, чуть краснея,
Сквозь тьму проступит мир совсем иной,
Его черты, чудные, как во сне,
С минутой каждой станут всё вернее
И навсегда останутся со мной.

***

Капелька солнца – опавший берёзовый лист
Корочкой льда, как хрустальной оправой, охвачен.
Город умоется снегом – он молод и чист.
Как же иначе?
Мир монохромен, как оттиски старых гравюр,
Лишние краски пушистая рябь заметает.
Только медовые капли на льдистый гипюр
Всё опадают.
Будто бы всё обаяние летнего дня
В солнечный цвет облетающих листьев вдохнули.
Где уж тут плакать, меж книжных страниц сохраня
Каплю июля.

Владимир КВАШНИН

Родился 1 августа 1958 года в таёжном посёлке Саранпауль Берёзовского района. Окончил Тюменский государственный университет по специальности «биолог-охотовед». Работал охотоведом службы Госохотнадзора 27 лет, занимался охраной диких животных Приполярья от браконьеров.
Впервые поэзия Владимира Квашнина напечатана в сборнике стихов самобытных авторов творческого объединения «Золотистая верба» в 2008 году, затем – в альманахе «В мечтах, в стихах, как наяву» (2009). Автор сборников стихов и рассказов «От сердца к сердцу» (2014), «Синегорье» (2019), «Коготь Манараги» (2019). На его стихи написано более 20 песен, композиции посвящены любви к родному краю, землякам, природе. Живёт в посёлке Саранпауль Берёзовского района ХМАО-ЮГРЫ.

«И летит душа родная птицей...»

А У НАС И ПОНЫНЕ В ДЕРЕВНЕ

А у нас и поныне в деревне
Не увидишь замка на двери.
Что нам прятать... А был тут в Тюмени –
Аж по два! Да ещё изнутри!
Вот народ... А у нас под оладьи
Самовар разговор заведёт.
Печь, красава-кума, на полати
После бражки к себе зазовёт.
Засмущавшийся кустик душицы
Занавеску прикроет в окне,
И Вселенской любовью с Божницы
Отогреет Господь в тишине.
А за Ляпушкой Север морошку
Нежит в мягких ладонях болот.
Дочке, Юлечке милой, серёжки
Примеряет ольха у ворот.
Всех пернатых собрав у колодца,
Поит небом рассвет из бадьи,
И целует влюблённое солнце
Медный крестик, прижавшись к груди.
Тянет речка туман полотенцем...
Мёд подносят в ладошках шмели...
Гладишь мелких... и собственным сердцем
Слышишь токи Югорской земли.
И живёшь, ни о чём не жалея,
В мире с Миром, с собою в ладу.
Рубим баньки, душой богатея,
Ставим верши по первому льду.
Летом нам сенокосы забавой,
И пока росы с травами спят,
Намилуешься в речке с купавой
И зарю исцелуешь до пят.
И, казалось, на что тут молиться?
Гнус, безлюдье, снежище по грудь...
А окликнет с болот журавлица,
Выйдет зорька к реке сполоснуть
Полушалок на кромку осоки
У мостка в предрассветной тиши,
И слетаются новые строки
На завалинку русской души.

ПРОРУБЬ

Спустишься на речку зимней ранью,
Нарушая скрипом тишину,
А над лесом зорька красной тканью
Укрывает спящую луну.
Гаснут звёзды, искры осыпая.
С полыньи клубит морозный пар,
Тьма – старуха, молча отступая,
Прячется, угрюмая, под яр.
Выплывает солнышко иконой,
Согревая душу и стожок...
Ты же не спеша пешнёй гранёной
Пообколешь проруби ледок
Синекровный, почерпнёшь водицы,
Да с ведра на маковку – хло-бысь!
И летит душа родная птицей
Над тайгой в таинственную высь...
Пусть другому в церкви златозвонной
Батюшка с души счищает ржу,
Я же здесь, по тропке занесённой,
Напрямую к Господу хожу.
Никаких посредников не надо –
ОН и я, и прорубь – алтарём...
И душа на краешке оклада
Ясной зорьки млеет с глухарём.

ЗИМОВЬЕ

Нет, ребята, скажу вам, избушка
Для таёжника – то же, что мать,
Да двуручка – стальная подружка –
Поспевай только чурки таскать!
А в избушке что главное? Сердце –
Печь-железка без всяких затей.
Отогреет и немца, и ненца,
И геологов всяких мастей.
Приползёшь к ней, как часто бывает,
Снимешь лыжи в потёмках, без сил, –
Всю-то ночь с уголочка вздыхает,
Шепчет: «Где ж тебя леший носил?!»
Отогреет, накормит, обсушит,
Убаюкает сказкой-теплом.
Тихо за полночь лампу притушит
И всю ночку дозорит окном.
Спишь младенцем, набегавшись за день,
Спят собачки, налаявшись всласть,
Точит месяц разбойничий складень,
На кудрявую тучку косясь.
Тащат корку счастливые мыши,
Дым столбом, поддувало сопит.
...Свесив лапу почти что до крыши,
Над избушкой Медведица спит.

Елена АУШЕВА

Родилась в п. Керос Пермской области. Окончила Алматинский государственный университет по специальности «филология». С 2003 года проживает в г. Ханты-Мансийске. Стихотворения и малую прозу пишет со студенческих лет. Руководитель городского литературного объединения «Югорские ваганты». Соавтор и преподаватель литературной студии «Почерк». Работает библиотекарем муниципального бюджетного учреждения «Городская централизованная библиотечная система».
Является победителем конкурса «Моя библиотека», посвящённого 85-летнему юбилею Государственной библиотеки Югры (проза, 2019), конкурса «Рождественская звезда» (поэзия, 2019) Победитель литературного конкурса самодеятельных авторов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Слowwwo» в номинации «Детская литература». Победитель литературного конкурса «Югра. Это моя земля» (2020).

«И ветер свернулся котом сиротливым...»

***

Машины по шоссе...
Шуршит, не спит мой город
И, словно бы в гляссе,
Смешал тепло и холод.

Сквозит в моё окно,
Сквозит из рам и рамок.
Вот, словно бы в кино,
Картонный рухнул замок.

Я хлам смахну долой,
На сквозняке дрожащий:
Всё словно не со мной –
И так ненастояще…

***

Зима, молчи! Уйми свои ветра,
В их нраве диком что-то есть холопье:
Надсаживаясь, стонут до утра,
Приносят снег. Лопатой сыплют хлопья, –

Всё гонит их в неведомую даль
Жестокий кнут горячей злобной стужи...
Зима, молчи. Дай мне постичь печаль,
Звук отключи. Он мне сейчас не нужен.

Дай тишины – глубокой немоты –
До вакуума в сердце и сознанье,
Чтоб, растворившись в море пустоты,
Стать частью мира. Быть его созданьем.

КОРАБЛИК

Зима доживает свой век в стоп-кадре,
В напоенном воздухом кинотеатре
Под небом весенним –
Огромно-серым.
И снежная куча, спеша задворками,
Застыла, подол подобрав с оборками, –
Дама из прошлого –
Морозного, сложного.
И ветер свернулся котом сиротливым
На лавке, тоскующей по сильным ливням –
Смыть колкий иней...
Прозрачно-синий,
Проснулся ручей, удивленно-журчащий,
К себе на ладонь положив настоящий
Кораблик несмелый,
Бумажный. Белый.

Анна ХАРЛАНОВА *(г. Липецк)*

Анна Харланова (Анна Павловна Чернышёва). Родилась 3 июля 1980 года в селе Добром Липецкой области, проживает в Липецке. С отличием окончила Липецкий государственный технический университет, затем Литературный институт им. А.М. Горького (семинар прозы В.В. Орлова).
Член Союза российских писателей, Творческого отделения детских авторов и Международной гильдии писателей. Лауреат нескольких всероссийских конкурсов. Публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», «День и Ночь», «Балтика», «Причал»... Книги: «Стихи из кладовки», «Фиолетовый апельсин», «Добрые рассказы», «Стихоосётр».
В Липецке ведёт студию «Скворцы» для литературно одарённых детей. Идейный вдохновитель и организатор Международной литературной премии имени А.И. Левитова и фестиваля ЛевитовФЕСТ в Липецке.

Лоскутки

Мне снится мой дом, тишина и благодать русской деревни. Седой дым из труб, похрустывание снега под ногами. Если вдруг перенестись из шума и толчеи города сюда, тишина навалится мохнатой снежной грудью, толкнёт в сугроб. Ах, зябко! Мороз щиплет щёки, не даёт стоять на месте. Так смешно смотрятся красные варежки на руке, привыкшей к кожаной перчатке! Улыбаюсь и иду дальше по знакомым улицам. А в небе смеётся зима, кидает снежных мошек на землю, надёжно спрятав замёрзшие звёзды за белой пеленой снега. У фонаря их особенно много. Смешные белые пчёлы! Вот также летали вы и много-много лет назад...

Холодно! Шапка совсем обледенела. Быстро перебирая маленькими ножками, забегаю в студёные сенцы. Белый холодный свет с улицы, осторожно заглядывая в дверь, освещает дрова, заготовленные на зиму, и сухие травы у самого потолка.

Открываю дверь, обитую чёрной клеёнкой, и сразу вваливаюсь в тепло маленькой комнаты. Светит зелёный абажур под потолком. На стенах, оклеенных разными обоями, старинное зеркало с кривым стеклом, в рамках – чёрно-белые фотографии, на которых бабушка ещё молодая красивая девушка. А в углу, перед иконами, горит лампадка. Прабабушка, что-то бормоча, колдует над керосиновой плиткой. В крохотной кухоньке нет электричества, поэтому там горит керосиновая лампа. И везде пахнет керосином.

Но вот скрипнула дверь и следом за мной вошла бабушка: «Мам, мы пришли!» Анися, моя прабабушка, уже спешит встретить желанных гостей. Она целует меня в голову и улыбается беззубым ртом, а морщинки, как добрые лучики, – от глаз, по щекам. А потом, как всегда, она достаёт из-под кровати плетёную корзину, а оттуда – банку с «конфектами», и говорит: «Возьми, сколько хочешь», и я всегда беру одну. Потом они с бабушкой начинают разговаривать о всяких взрослых делах, а я смело влезаю на печку. Там пыльно и темно. На стене на гвоздиках висят мешочки с сухарями и семечками: на чёрный день. А ещё лежат старые подушки. Прячу в них нос, обхватываю руками, и так тепло, и хорошо-хорошо! Пыль щекочет нос. Морщу его, чтобы не чихнуть, а тем временем рассматриваю покосившиеся шкафчики на кухне, скамьи вдоль стен, на которых много-много чугунков и глиняных горшочков. Жарко от печки, совсем тянет в сон. Лениво и вяло спрыгиваю на сундук, внутренняя крышка которого оклеена разноцветными открытками. Здесь хранится Анисино «добро»: вышитые шёлковые кофты, длинные чёрные юбки, платки. Бабушка говорит, что раньше у всех так было: не шкафы, а сундуки. И люди другие были. Вот смотрю на фотографии, а лица у всех добрые и как будто немного строгие. И все отчего-то чёрно-белые.

Анися любит, когда её называют по отчеству, Васильной. И все её подруги, такие же седые древние старушки, называют её Васильной.

Часто бабушка уходила куда-нибудь и оставляла меня с Анисей. И тогда она рассказывала мне про бога, и про ангелов на небе, и про то, что злые люди горят в аду. Мне было интересно и хотелось узнать побольше, но когда я спрашивала у бабушки, та говорила, чтобы я не смела ни у кого об этом спрашивать. А сама по праздникам ходила в церковь и приносила просвирки со святой водой.

А ещё мы с Анисей ходили в гости, в маленькие и тёмные дома с полосатыми дорожками на полу, которые называли дерюжками. Там также топили печи, и пахло керосином. В одном таком доме было светло и празднично: много-много народу, разговоров и еды. И меня подводили к кровати умирающей незнакомой бабушки, она лежала за красными занавесками. Она взяла меня за руку и заулыбалась, а глаза у неё были такие большие и словно светились изнутри. Мне захотелось плакать, вдруг пошла носом кровь, и люди вокруг засуетились.

А в другом доме жила старая-престарая бабулечка, наверное, ещё старее моей Аниси, которая и без того прожила почти век. В этом доме было тихо и печально. Серая кошка спала на стуле, и в печке еле теплился огонёк. Эту бабушку совсем забыли её дети. Соседи носили ей хлеб, и старенькие подруги иногда навещали её. Эта бабушка подарила мне целый ворох цветных лоскутков: одни были гладкие, шёлковые, одноцветные, другие – в цветочек и в разный другой рисунок. Как я была счастлива! Тогда это было целое богатство – лоскутки!

Некоторые из них затерялись, из каких-то бабушка сшила моим куклам платья, но я до сих пор помню добрую старушку. Сейчас её уже давно нет: она замёрзла в одну из зим в своём маленьком домике.

Умерла моя прабабушка и многие её подруги. Они были последним отголоском прошлого века с его звучными песнями, гармоникой, плачущей на всю деревню, косматым дымом из труб. Они тоже были молодыми, влюблялись, смеялись и плакали, играли в давно забытые нами игры. Они просто жили в то время, когда на политической арене России разыгрывались страшные драмы: две мировые войны, революция, гражданская война. Они хоронили своих мужей, братьев, сыновей, они выживали в голод, плакали, но продолжали жить.

Человек полетел в космос, спустился в глубины океана, изобрёл атомную бомбу. Что им до этого? Они также сажали морковь и лук, как и прежде; беспокоились, если долго не было дождя; крестились перед образами при первых ударах грома. Ничего не изменилось в их жизни, даже пресные лепёшки на керосиновой плитке. Сейчас таких уже не пекут.

…В мрачном городе зима. Снег. Скрежет тормозов, шум моторов, звук сотен голосов и чавканье растаявшего снега под ногами – вот нынешний век без прикрас праздников. Он тоже пройдёт, канет в лету, как и все предшествующие. Но если хочешь не быть забытым, продолжить жить в сердцах других людей, не нужно изобретать эликсир молодости – просто подари ребёнку ворох цветных лоскутков.

Александр ПОЛЫНКИН

Как уроженец Орловщины на египетской принцессе женился

Смерть Бориса Березовского в Англии в своё время всколыхнула мировое информационное сообщество. В России об этом написали все газеты и журналы, а многие телеканалы посвятили событию отдельные передачи. Лично мне показалась излишней такая шумиха вокруг обворовавшего страну, а потом сбежавшего от наказания опального толстосума. В той же Великобритании жили в прошлом другие личности русского происхождения, гораздо более достойные нашего внимания.

СЫН СТАНОВОГО ПРИСТАВА

Я расскажу об одном уроженце Орловщины, история жизни которого вполне сгодилась бы для написания авантюрного или любовного романа.

Он родился 24 июня 1875 года в селе Спасское-Вязовое Малоархангельского уезда *(ныне – село Вязовое Покровского района Орловской области – А.П.)* и был первым ребёнком в семье станового пристава Василия Васильевича Юркевича и его жены-домохозяйки Любови Николаевны. Молодые супруги дали первенцу имя Владимир и, как показали последующие события, сделали это пророчески.

Семья Юркевичей прожила в Малоархангельском уезде несколько лет. Следом за сыном появилась на свет дочь Наталья, и их мама всё своё время и любовь тратила большей частью на детей. Супруг же, Василий Васильевич Юркевич, с утра до вечера мотался по деревням и сёлам четырёх крупных волостей Малоархангельского уезда: его должность станового пристава требовала неусыпного контроля над соблюдением правопорядка подчинёнными ему жителями.

Усердие молодого служаки заметило начальство, и вскоре семья Юркевичей переехала в Воронеж, где Василий Васильевич продолжил службу, а дети после получения домашнего образования поступили в гимназии (мужскую и женскую).

А вот где продолжил обучение Владимир Юркевич потом и как складывалась его взрослая жизнь – мне неведомо. Известно лишь, что к 33 годам он успел жениться и развестись, а в 1908 году оказался в Париже, любимом городе русского «высшего света».

СВАДЬБА ПЕРВАЯ, НЕСЧАСТЛИВАЯ

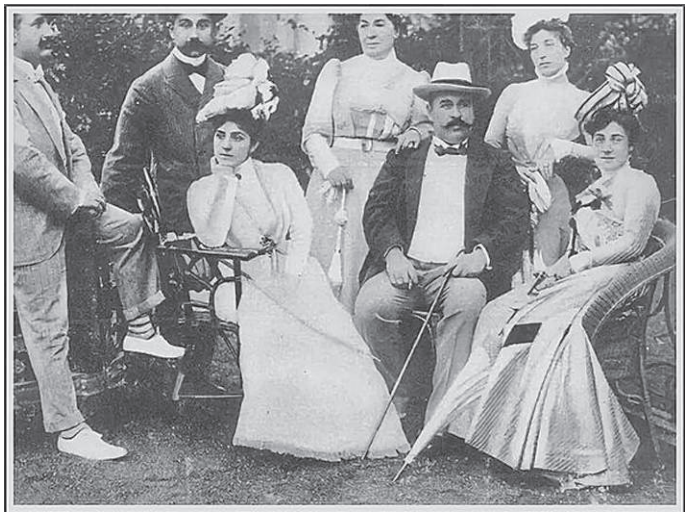
Сюда же в то время судьба привела 25-летнюю египетскую принцессу Салиху, двоюродную сестру правителя Египта, хедива Аббаса Хильми Второго. Красавица-принцесса уже два года как была вдовой с двумя детьми: её муж, принц Мухаммед Ибрагим, погиб редкой в те годы смертью – «разбился на автомобиле».

На каком из светских мероприятий познакомились русский дворянин и египетская принцесса – история умалчивает, но любовь у них вспыхнула сразу, а роман разгорелся горячий и бурный. Роман, который осудили знакомые с обеих сторон – ведь Владимир Юркевич был христианином, а Салиха – мусульманкой.

Салиха в русском костюме

Влюблённых осуждение и нежелание близких не остановило: они решили пожениться. Известный российский исследователь-египтолог и писатель Владимир Беляков нашёл в архиве внешней политики Российской империи многостраничное дело, посвящённое этой истории. В нём имеется такой документ: «Тысяча девятьсот девятого года девятнадцатого июля были обвенчаны пастором Сандерсом в лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге Владимир Васильевич Юркевич, дворянин, родился в Орловской губернии, село Спасское Вязовое 24 июня 1875 года, разведённый, лютеранского вероисповедания, и Салиха Магомед Ибрагим, принцесса, оттоманская подданная, родилась 19 сентября 1883 года, вдова, магометанского вероисповедания».

Когда царственные родственники принцессы узнали о её замужестве, негодованию их не было предела – ведь обычай, возведённый в закон, строго запрещает брак мусульманки с христианином. Аббас Хильми наказал двоюродную сестру очень строго: он исключил Салиху из числа членов королевской семьи. А египетский суд ограничил её права собственности, назначив опекуна над имуществом уже бывшей принцессы. Отныне ей доставалась лишь небольшая часть доходов, да и то с большими затруднениями.



Между папой и дядей Ахмедом Фуадом – его дочь, принцесса Салиха Ибрагим Хилми

Юркевичи оказались в сложном положении. Жить в холодном Петербурге египтянке Салихе было тяжело, а поехать с мужем к себе на родину она не могла. И тогда молодые супруги местом для жительства выбрали столицу Великобритании.

Однако в Лондоне начались другие проблемы: принцесса привыкла жить как принцесса, а у Владимира Юркевича больших средств для такой жизни не было. К тому же через год у них родился общий ребёнок. И тогда на семейном совете супруги решили бороться за то, чтобы Салихе была возвращена её собственность, и она могла бы жить на родине.

Валли Юркевич

По законам Российской империи, вступив в брак с российским подданным, египетская принцесса автоматически получила и русское подданство. Этим они с мужем и решили воспользоваться.

Египет в ту пору формально оставался частью Османской империи, где в отношении ведущих европейских держав, в том числе и России, действовал так называемый «режим капитуляций». Он означал, что подданные этих держав не могли быть судимы местными властями, а их имущество не могло быть ими отчуждено. И потому новоявленная госпожа Юркевич обратилась за помощью к российским дипломатам.

Её борьба за возвращение своей собственности продолжалась три года. Но Салиха проиграла: египетский суд не признал её российского подданства, потому что счёл её брак противоречащим местным законам.

СВАДЬБА ВТОРАЯ, СЧАСТЛИВАЯ

Казалось, выхода нет, и любовная лодка русского и египтянки вот-вот готова была разбиться о скалы примитивного быта. И тогда Владимир Юркевич решился на отчаянный, очень непростой и в те годы чрезвычайно неординарный шаг: он принял ислам.

Отныне уроженца Орловщины звали так: Абдул Рахман Шейх Джаляль Эддин Мухаммед. 21 декабря 1913 года его брак с принцессой Салихой был вторично зарегистрирован, на этот раз в мечети на Ориентал-роуд в Уокинге, неподалёку от Лондона *(по одной из версий, эта мечеть – вообще первая на Британских островах – А.П.).*

Своим экстравагантным поступком Владимир Юркевич наделал много шума в России. Теперь пришёл черед уже русским дипломатам выяснять, имел ли он право на такой поступок. В упоминавшемся мною деле, хранящемся в архиве внешней политики Российской империи, имеется телеграмма от 19 января 1914 года, в которой посланник России в Египте А.А. Смирнов спрашивает своё начальство в Петербурге: «Является ли по нынешним законам формальное отступление от христианской веры деянием дозволенным и ненаказуемым?» 20 дней юрисконсульская часть российского министерства иностранных дел искала ответ на этот «сложнейший» вопрос, прежде чем, наконец, отправить ответную депешу: «Переход из христианства в нехристианскую веру недозволен, но не наказуем»...

Так сто лет тому назад завершилось внешнеполитическое разбирательство двух стран по поводу судьбы и любви двух их подданных.

Владимир Юркевич, прошу прощения, Джаляль Эддин Мухаммед, и Салиха Магомед Ибрагим поселились в Лондоне, и проблем с египетскими родственниками и властями у них больше не возникало.

Что касается их дальнейшей судьбы, то контуры её мне назвала правнучка Владимира Юркевича, Татьяна Панкратьева, экскурсовод из Петербурга.

Оказывается, с отступником от веры христианской, с его женой и внуком Валли родная мать, Любовь Николаевна Юркевич, через некоторое время наладила вполне нормальные, человеческие отношения, несмотря на их мусульманство.

Помнишь, читатель, Бориса Березовского? Так вот, оказывается, в этом же графстве Беркшир (Юго-Восточная Англия), где скончался опальный олигарх, похоронены на одном из кладбищ уроженец Орловщины Владимир Юркевич и его любимая Салиха.

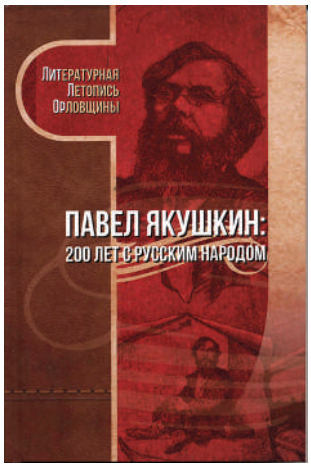
А где-то в Лондоне или его окрестностях живут, возможно, их правнуки.

Высший свет египетской аристократии, выше просто не бывает

Хождение в народ

(К 200-летию П.И. Якушкина)

Мемориальная доска и выставка в честь замечательного русского писателя, этнографа, собирателя и исследователя народных песен открыты в Покровском районе



Мемориальная доска, выполненная из специального камня, обрела своё место на улице Павла Якушкина 26 января, в день рождения этого необыкновенного человека.

– Мы заранее готовились к этому юбилею, – говорит заместитель главы Покровского района Алексей Кустов. – Было очень важно не просто отдать дань памяти и заслугам Павла Ивановича Якушкина перед отечественной культурой. Хотелось сделать так, чтобы о нём, его жизни, исканиях и творчестве узнавали как можно больше людей, наших современников. Тем более, что Павел Якушкин имеет непосредственное отношение к нашему краю, к покровской земле.

В эти же дни в районном Центре культуры была оформлена выставка, посвящённая Якушкину. Фотографии, рисунки, гравюры, воспоминания писателей той поры, друзей, современников, отрывки из сочинений одного из ярчайших этнографов нашего Отечества раскрывают незаурядный талант и необыкновенное подвижничество Павла Ивановича. Экспонаты для выставки предоставили и помогли с оформлением сотрудники Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева и его структурного подразделения – музея Т.Н. Грановского.

Официальное открытие выставки было решено отложить из-за ситуации с пандемией. Но оно обязательно состоится, и жители посёлка увидят все мероприятия, запланированные в рамках юбилейной даты.

Многие исследователи считают Павла Якушкина первым, кто пришёл в народ и изучал его нужды именно там, на месте, в самой гуще народной жизни.

Будущий знаменитый этнографист и писатель родился в усадьбе Сабурово бывшего Малоархангельского уезда (ныне Покровский район) и являлся сыном небогатого помещика и крепостной крестьянки. Учился в Орловском уездном училище, потом в Орловской гимназии. Именно в гимназии обнаружился его интерес к песням, побасенкам да пересказам, которые он слышал от простых людей. Увлечённый юноша увидел в этом нечто большее, чем привычный способ общения и обмена информацией разного российского люда. Он почувствовал в этом народную душу, неведомый высшему обществу культурный слой, неброский, часто непонятный, но изумительный своей самобытностью и внутренней первозданной красотой.

В 1840 году Павел Якушкин поступил на математический факультет Московского университета, но продолжил начатое им собирание фольклора, чем обратил на себя внимание Петра Киреевского, известного к тому времени писателя, фольклориста и собирателя народных былин, духовных песен. Якушкин отучился в университете до четвёртого курса, а потом понял, что это не его, и учёбу оставил. С этого момента начинается совсем иная история его жизни, связанная с хождением по городам и весям бескрайней России-матушки.

Первые свои фольклорные записи Павел Якушкин сделал в селе Тетерье, недалеко от усадьбы Сабурово.

За свою оставшуюся жизнь, которая закончилась, когда Якушкину не исполнилось и пятидесяти лет, он совершил не менее десяти хождений в народ, или как бы мы сейчас назвали, фольклорных экспедиций. Он был непритязателен в еде и одежде, часто выглядел небритым и нечёсаным. Ночевал в крестьянских избах, на полу, на соломе. Можно по-разному относиться к этим его причудам, но нельзя не отметить, что он не хотел выделяться каким-либо образом на фоне той жизни и быта, в которых существовал простой народ. И даже обижался, когда ему предлагали более удобное жильё или постель.

– К неким странностям Павла Якушкина, – рассказывает известный орловский краевед, историк и писатель Александр Полынкин, – можно отнести и тот факт, что он не признавал и не любил больших денег. Но некоторую сумму всё-таки держал при себе, когда нужно было расплатиться где-то в трактире или на постоялом дворе. Если деньги кончались, брал кредит, но не более трёх-пяти рублей. Рассчитывался всегда вовремя, долгов не любил. А зарабатывал деньги двумя способами: какую-то сумму давали те, кто посылал его в экспедицию. Например, Пётр Киреевский на первую экспедицию выдал ему 25 рублей. Второй способ – гонорар за публикации в журналах, куда Якушкин посылал свои записки и очерки о путешествиях. Его мать Прасковья Фалеевна (по другим источникам – Фалалеевна) оставила ему небольшое наследство, которое он достаточно быстро прогулял. Что не успел прогулять – раздал крестьянам.

Не считая родной, Орловской, он пешком прошёл многие уезды в Тверской, Костромской, Псковской, Новгородской губерниях, готовил в столичные журналы «Путевые письма», написанные в форме дневников. Посещал и делал заметки и очерки из Курской, Черниговской, Астраханской областей. Бывал на праздниках, народных гуляньях, свадьбах и прочих шумных застольях, где в полной мере раскрывалась истинная душа русского человека. Попадал в разные истории и переплёты, перенёс оспу.

За интерес к свободолюбивым настроениям, драку с полицейским и другие «проказные» дела Павел Якушкин был сослан в Орёл, под опеку своей матушки, упросил, чтобы его отправили в Астрахань, а затем в Самарскую губернию, где через три месяца заразился возвратным тифом и умер, не дожив всего несколько дней до своего 50-летия.

Помимо тысячи произведений устного народного творчества, Якушкин оставил потомкам свои рассказы и очерки, наиболее значимые из них – «Велик Бог земли Русской», «Бунты на Руси», «Чисти зубы, а то мужиком назовут». Не менее интересны его очерки «Мужицкий род», «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь» и другие.

Павел Иванович Якушкин – удивительное явление в отечественной культурной среде, яркий, самобытный летописец народной жизни и собиратель его жемчужных россыпей в виде песен, пересказов и побасенок. Конечно, он по достоинству занял своё место в плеяде славных имён русской земли и нашего орловского края.

Михаил КОНЬШИН

Сказания и сказки «Белого орла»

Любопытная книга вышла в свет в конце прошлого года в одном из орловских издательств. Её автор – наш земляк поэт, журналист и режиссёр Игорь Свеженцев, уроженец города Ливны

Жанр сказаний и сказок, а именно в этом жанре представлены все десять произведений книги, – в отечественной литературе не нов. Кто из нас не зачитывался в детстве сказочными поэтическими творениями Пушкина, ершовским «Коньком-горбунком», изумительной, полной юмора сказкой Леонида Филатова про Федота-стрельца удалого молодца?!.

А великолепные наши былины, героический, ни с чем не сравнимый народный песенный эпос, в котором прославляются великие подвиги защитников земли русской Ильи Муромца и его собратьев по ратному делу Добрыни Никитича и Алёши Поповича? Не от них ли впитывала Русь изначальная победную славу нашего воинства, которое своим мужеством и отвагой приводило в изумление и повергало в шок всех, кто приходил к нам с мечом?!.

Именно такие ассоциации, навеянные, с одной стороны, историей, боевой удалью русичей, а с другой – песенно-сказочным эпосом сопровождали меня при прочтении книги «Белый орёл». Все десять вошедших в неё произведений написаны в стихотворно-повествовательной манере, при этом автор, выбрав такой довольно непростой способ изложения, не ставит своей целью строгое соответствие рифмованному слогу. Для него главное – передача мысли, образа, картинки, которые формируют историческую или сказочную сюжетную канву, очень точно и очень тонко погружая нас в атмосферу происходящего. Любовью к России, орловской и ливенской земле, любовью, приправленной национальным колоритом, пронизаны «Сказание о Судбищенской битве», произошедшей в 1555 году, и ставшей во многом поворотным моментом в истории страны, и неожиданный, полный драматизма, веры и гордости за своих земляков «Сказ о Ливенской крепости, русском воеводе и запорожском гетмане». Не столь широко известно о трагедии города Ливны, осаждённого и разграбленного в 1618 году казачьими войсками гетмана Сагайдачного, который организовал поход на Москву, чтобы посадить на престол в Белокаменной королевича польского Владислава.

Над рекой Сосной с самых давних пор
Далеко видать, и широк простор.
На десяток вёрст можно заглянуть,
И в татарский Крым там пылится путь.

Так запевно начинается «Сказ о Ливенской крепости…», воевода которой и защитники города не пожелали склонить головы перед «злым и лютым» супостатом.

Ещё одну историческую тему, более близкую к нам по времени, и вместе с тем невыносимо скорбную для русского сердца – тему Гражданской войны, – поднимает автор в поэме «Белый орёл», давшей название всей книги. Осенью 1919 года под Орлом и Кромами в ожесточённых сражениях сошлись две армии: белых и красных. Свои со своими.

Вот победим и разберёмся.
А той победы не видать.
За что, скажи, сегодня бьёмся?
За что нам стоит умирать?

– звучит, словно крик души, этот не имеющий точного ответа вопрос. Потому что

Сошлись в степи в короткой схватке.
И выстрелы, и шашек звон.
Наружу рвётся без остатка
И русский клич, и русский стон.

В той войне победили одни, но проиграли мы все. «Трагедиям былым и эту уподоблю, Когда герой дерзал, но цели не достиг», – резюмирует автор поражение белой армии под Орлом и во всей междоусобной бойне.

Нет возможности в короткой аннотации рассказать обо всех произведениях, составивших содержание книги. Поэтому обозначим хотя бы некоторые. Читателя, несомненно, удивит очень трогательная рождественская история «Девочка со свечкой», поучительная, наполненная тонким сарказмом «Сказка о странствующем царевиче, чужих землях и прекрасных невестах», чешско-моравская сказка «Томаш и Любляна», забавная повесть в стихах «Кромчанка-шляхтянка», народная немецкая баллада «Старинной Швабии преданье» и другие.

Но есть в этом перечне ещё одна сказочная история «Одарка и волшебное ожерелье», повествующая о том, как один знатный винницкий казак Свербигуз и его жена Гапка искали своей красавице дочери по имени Одарка богатого жениха. Но вот напали на Винницу злые крымские татары и выкрали Одарку. Татарский мурза заключил её в свой гарем, принуждал покориться ему, только у него ничего не вышло. А финал этой истории, как и положено в сказке, оказался счастливым: красавицу Одарку освободил пришедший с боевыми товарищами за Перекоп простой русский парень, москаль Иван, которого она и выбрала затем себе в мужья.

Необычность этой сказочной повести в том, что она написана сразу на двух языках, русском и украинском, и читается так, что нельзя оторваться. И нет у неё ни отторжения, ни языковых, ни прочих преград. Потому как понятно любому нормальному человеку и с той, и с этой стороны: мы, русские и украинцы, один народ. Связанный единой историей и единой судьбой.

Михаил КОНЬШИН

Геннадий МАЙОРОВ

ЧЁРНАЯ ОСЕНЬ
сорок первого года

Засекреченная война
Книга вторая

Продолжение. Начало в № 23

В мае 1940 года в Красной Армии имелось 20 «Дугласов». В первом полугодии 1941 года предполагалось построить 100, а во втором – ещё 200 транспортных самолётов. Для сотен тысяч парашютистов – слишком мало. (Серийное же производство планёров начнётся только в ноябре 1941 года).

Напомним, что ещё в 1931 году (за 10 лет до войны!) в речи на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности «О задачах хозяйственников» Сталин ставил задачу: «Мы отстали от капиталистических стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР».

И страна, напрягаясь и используя все свои возможности и силы, создавала мощную промышленность. Чтобы иметь современные орудия, танки, корабли и самолёты, требовалось развивать и металлургию, и химию, и станкостроение, и радиоэлектронику… Но задачу не выполнили.

…5 октября 1940 года нарком С.К. Тимошенко и новый начальник Генштаба К.А. Мерецков доложили Сталину о своих соображениях предстоящей войны. Имелось в виду, что будущая война с первого же дня примет характер очень напряжённых и сложных операций всех видов Вооружённых Сил на суше, море и в воздухе. Ожидалось, что нападение мощных танковых и пехотных группировок противника будет сопровождаться авиационными ударами по советским войскам и объектам тыла, имеющим большое военное значение. План исходил из того, что советские войска полностью подготовятся к отражению противника и сумеют отбить его удары силами и средствами пограничных округов на территории, прилегающей к государственной границе. В последующем предусматривалось наше решительное наступление и войсками, выдвигаемыми из глубины страны.

Все составные части плана были тщательно увязаны между собой и с работой народного хозяйства, транспорта, связи. В последующем были созданы планы развёртывания войск военных округов.

Таким образом, в оперативном плане верно определялся характер возможной войны, правильно решался вопрос о вероятном противнике и направлении его действий.

По свидетельству Мерецкова, Сталин высказал мнение, что Германия свои основные усилия направит не на западном направлении, как было записано в плане, а на юго-западном, с тем чтобы прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза. Нарком обороны, недавно прибывший с юго-западного направления, видимо, тоже придерживался этой точки зрения. Во всяком случае, ни он, ни Генштаб не возразили против этого заключения Сталина. Генштабу было приказано исправить план, а это повлекло за собой сосредоточение главной группировки советских войск не на западном, как предусматривалось ранее, а на юго-западном направлении.

Как показали события Великой Отечественной войны, данный прогноз оказался ошибочным. Главный удар Гитлер нанёс всё-таки на западном направлении, и советскому командованию пришлось исправлять допущенный просчёт и сосредоточивать главные силы на западное, смоленско-московское направление. Это привело к известному замешательству, так как некоторые войска уже выгрузились не там, где им впоследствии пришлось драться, и потере драгоценного времени.

Нелишне далее напомнить и о том, что перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска. Из глубины страны на запад перебрасывалось пять армий: 22-я под командованием генерала Ф.А. Ершакова. 20-я под командованием Ф.П. Ремезова, 21-я под командованием В.Ф. Герасименко, 19-я под командованием П.С. Конева и 16-я армия под командованием М.Ф. Лукина. Всего перемещалось 28 дивизий. Из Московского военного округа в Винницу отправилась опе-

ративная группа, развернувшаяся там в управление Южного фронта. Наркомат Военно-Морского Флота своим распоряжением усилил на флотах разведку и охранение, перебазировал часть сил Краснознаменного Балтийского флота из Либавы и Таллина в более безопасные места. А в самый канун войны Балтийский, Северный и Черноморский флоты были приведены в состояние повышенной готовности.

…Нельзя забывать и об ошибках в определении порядка действий и силы первоначальных ударов врага. Высшее советское командование предполагало, что противник не станет вводить сразу все силы на всём советско-германском фронте и это позволит сдержать агрессора, используя войска так называемого прикрытия. Но война развернулась не так: гитлеровские захватчики ринулись вперёд ударными группировками войск на всём протяжении западной границы нашего государства. Отбить этот удар силами, расположенными в пограничной зоне, к тому же не вполне готовыми к немедленным действиям, мы не смогли.

Просчёты и упущения в подготовке войск к отражению первого удара немецко-фашистских захватчиков, бесспорно, осложнили наше положение при вступлении в единоборство с колоссальной милитаристской машиной гитлеровской Германии, опиравшейся на экономические и военные ресурсы многих стран Европы. Но при всём при том фашистская армия сразу стала нести огромный урон, а через полгода отборные её корпуса и дивизии были наголову разбиты под Москвой. Здесь начался коренной поворот в ходе войны. *(Штеменко С.М. «Генеральный штаб в годы войны». Книга 1-я, М.: Воениздат, 1989)*

А что тем временем происходило в Германии? Как там оценивали ситуацию в 1940 году?

«Гитлер вызвал меня к себе в ноябре 1940 года, – вспоминал личный пилот фюрера Ганс Баур. – Он сказал, что я должен ещё раз слетать в Москву. Министр иностранных дел Молотов хочет посетить Германию с официальным визитом. Через германское посольство в Москве Гитлер отправил уведомление, что он предоставит в полное распоряжение Молотова свой личный самолёт, чтобы сократить министру иностранных дел время в пути и сделать путешествие более приятным. Через несколько дней от Молотова пришёл ответ: «С сожалением вынужден отказаться!» Молотов хотел отправиться в Берлин с делегацией, насчитывавшей 256 человек, для перевоза которой, естественно, потребовалось бы много самолётов. Как установила наша разведка, большая часть членов делегации, помимо официально объявленной цели визита, имела также задачу посетить германские промышленные предприятия, на которых производились некоторые виды техники и моторы к ним (их Москва хотела производить сама, а также обменивать на свою сельскохозяйственную продукцию), и как можно полнее оценить германский промышленный потенциал.

Молотов прибыл в Берлин на поезде. Когда он вошёл в рейхсканцелярию, я находился в фойе. Советский министр иностранных дел появился в сопровождении трёх своих офицеров милиции. Во время переговоров между Гитлером и Молотовым офицеры германской полиции пробовали развлекать русских. Они предложили им кофе и другие напитки, но русские от всего отказались со своими обычными сдержанными улыбками. Очевидно, им были даны строгие указания не прикасаться ни к чему, что им будут предлагать. Получив некоторый опыт в ходе поездок в Москву, я уже понимал причину подобного поведения. Молотов проживал в домике для гостей у Гитлера в течение 12, 13 и 14 ноября. Поскольку англичане все эти дни бомбили Берлин, он мог получить некоторое представление о современной войне. Я его близко увидел только в тот момент, когда советский министр иностранных дел уже покидал Берлин. Насколько низко Гитлер его оценивал, можно было заключить из фразы, сказанной однажды за ужином: «Молотов не обладает реальной властью, он просто бюрократ».

Интересно мнение Густава Хильгера, работавшего в то время советником посольства Германии в СССР: «В октябре 1939 г. были начаты экономические переговоры, которые, однако, закончились только 11 февраля 1940 г., то есть привели к заключению соглашения лишь через четыре месяца: ввиду недоверия нижестоящих советских партнёров и их боязни брать на себя ответственность они всё время затягивались. Отдельные вопросы должны были докладываться лично Сталину, поскольку обычным путём решению они не поддавались. По этому договору Советский Союз кроме поставок сырья на сумму 100 млн. рейхсмарок в соответствии с кредитным соглашением от 19 августа должен был поставить в течение первых 12 месяцев сырьё на сумму 500 млн. рейхсмарок. В том числе – 1 млн. тонн фуражного зерна и бобовых, 900 тыс. тонн нефти, 100 тыс. тонн металлолома и чугуна, 2400 килограммов платины и многое другое. Германские поставки включали промышленные изделия, промышленную технологию и оборудование, а также военное снаряжение.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая 1940 года, то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, на сколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, – сказал он, – проявляет полное понимание того, что Германия должна защититься от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым ещё большего ослабления как Германии, так и её противников.

Однако Сталин ошибся в оценке соотношения сил и перспектив военных операций во Франции. Он ошибся точно так же, как в своё время в оценке предположительной длительности германского похода на Польшу. На сей раз он переоценил значение линии Мажино, рассчитывая на затяжную позиционную, окопную войну между Германией и западными державами.

В ходе событий, которые разыгрались со времени заключения пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) до начала войны между Германией и Советским Союзом (22 июня 1941 г.), любой наблюдатель мог вновь и вновь констатировать, что, несмотря на большие способности, которыми Сталин обладал как политический деятель и которым он был обязан своим выдающимся положением, он совершал грубые ошибки, имевшие неблагоприятные для Советского Союза последствия. Конечно, он сумел извлечь из переговоров с Гитлером наибольшие выгоды, которые на основе секретного дополнительного протокола привели к овладению частью Польши, Прибалтийскими государствами и Бессарабией и увеличили население Советского Союза на 13 млн. человек. Но одновременно Сталин продемонстрировал недостаточное знание соотношения сил между Германией и Польшей, когда он значительно переоценил силу сопротивления Польши германскому нападению. Это выявилось, когда Сталин встал перед задачей сделать сво-

евременные выводы из заключённых с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов.

Во второй раз Сталин показал себя плохо информированным, когда в ноябре 1939 г. с недостаточными силами и в неблагоприятный момент начал войну с Финляндией и тем самым открыл Гитлеру и всему остальному миру глаза на неудовлетворительную боеспособность Красной Армии.

При заключении пакта о ненападении Сталин, как уже отмечалось, исходил из предположения, что Германия и западные державы настолько взаимно ослабят друг друга, что в подходящий момент он сможет бросить на чашу весов мировой политики военную мощь Советского Союза. Когда же 10 мая 1940 г. Гитлер нанёс решающий удар по Франции, Сталин был убеждён, что линия Мажино окажется для наступающих неприступной и стороны увязнут в изнурительной позиционной войне.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновременно Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А ещё через пять дней Молотов сообщил нам, что советское правительство решило – если потребуется, силой – осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обеспокоенное неожиданными германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключённых с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину, хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договорённостей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства.

В дальнейшем у германской стороны возникло раздражение в связи с введением советских войск в Литву. При заключении договора о границе и дружбе германская сторона высказала свою особую заинтересованность в небольшом приграничном уголке на юго-западной оконечности Литвы, который был уступлен Германии. Несмотря на это, Красная Армия заняла его, рассматривая как часть новой Литовской Советской [Социалистической] Республики. На соответствующий германский протест Молотов ответил, что, хотя притязания Германии на этот кусок страны обоснованы, для советского правительства чрезвычайно неудобно и трудно это требование удовлетворить. Поэтому он приветствовал бы, чтобы Германия в духе существующих дружественных отношений нашла путь к тому, чтобы оставить эту территориальную полосу за Литвой. Переговоры по этому поводу длились несколько месяцев, и решение было найдено только гораздо позже: 10 января 1941 г. граф Шуленбург и Молотов подписали секретный протокол, в котором Советский Союз брал на себя обязательство выплатить за эту территориальную полосу 31,5 млн. рейхсмарок. Тот факт, что потребовалось так много времени, чтобы договориться по столь незначительному вопросу, позволял осознать, в какой мере отношения между обеими странами ухудшились.

Последствия действий советского правительства стали ещё более роковыми, поскольку упомянутые акции совпали с моментом, когда Гитлер в результате своих успехов во Франции впал в такое душевное состояние, которое граничило с манией величия. Его всё больше обуревала идея, что он призван самой судьбой навсегда покончить с большевизмом, и он не успокоится до тех пор, пока не завоюет для немецкого народа положенное тому жизненное пространство. Отныне он считал, что его воле и поступкам никакого предела нет. С растущим неудовольствием следил он за действиями Сталина, из которых сделал вывод, что тот систематически усиливает свои позиции с целью получить возможность в нужный момент оказать давление на Германию. В этом состоянии Гитлер в конце июля 1940 г. впервые дал понять ответственным немецким органам, что им следует рано или поздно считаться с необходимостью военного конфликта с Советским Союзом.

Но и советское правительство имело достаточное основание для критики поведения Германии, ибо её правительство в связи с германо-итальянским арбитражным решением венгеро-румынского спора [в Вене] нарушило своё обязательство о консультациях и взяло на себя гарантию румынской территории, не договорившись предварительно с советским правительством. У советской стороны возникло недовольство и в связи с посылкой германских войск в Румынию. Объяснение Германии, утверждавшей, что речь идёт о направленных по просьбе Румынии лётных частях, было встречено Молотовым с недоверчивой улыбкой.

Тем временем экономические отношения между Германией и Советским Союзом тоже развивались неблагоприятно: она задерживала поставки, предусмотренные договором от 11 февраля 1940 года. В связи с этим советское правительство заявило, что оно воспользуется предоставленным ему по договору правом и приостановит свои поставки в Германию, если та в приемлемое время не восполнит недоданное.

Тем самым германо-советские отношения в течение всего одного года приняли характер, уже не имеющий почти ничего общего с духом и смыслом договоров от августа и сентября 1939 года. Осознав это, Гитлер поздней осенью 1940 года принял решение вступить в переговоры с советским правительством, чтобы выяснить его намерения и сделать отсюда возможные выводы.

С этой целью он поручил Риббентропу написать Сталину длинное письмо. В этом письме, датированном 13 октября 1940 года и насчитывавшем не менее 19 страниц, Риббентроп попытался дать подробное резюме германской внешней политики за последние месяцы и обосновать (а в случае необходимости и оправдать) каждый отдельный шаг, предпринятый германской стороной. Он указывал, сколь важно интенсифицировать экономическое сотрудничество между Германией и Россией, и заверял Сталина, что заключённый 27 сентября 1940 года пакт Трёх держав – Германии, Италии и Японии – никоим образом не нарушает германо-советских договоренностей. Письмо заканчивалось приглашением Молотову посетить Берлин, чтобы поговорить о дальнейшем развитии отношений между обеими странами. Письмо было выдержано в тоне откровенности, который даже в нашем московском посольстве создал впечатление, что Берлин действительно желает похоронить возникшую досаду и впредь

строить германо-русские отношения в духе договоров 1939 года.

В своём кратком ответе от 21 октября 1940 года Сталин со скрытой иронией поблагодарил имперского министра иностранных дел за «поучительный анализ событий» и согласился с тем, что «дальнейшее улучшение отношений между обоими государствами на основе долговременного разграничения сфер обоюдных интересов вполне возможно». Приглашение Молотову в письме принималось. Форма и стиль письма не оставляли никакого сомнения, что оно было написано самим Сталиным.

Через три недели Молотов выехал в Берлин, куда прибыл 12 ноября в 11 часов утра. Его сопровождали 60 человек, в том числе 16 сотрудников органов государственной безопасности, врач и три человека личного обслуживающего персонала. Из высоких советских функционеров в число сопровождавших его лиц входили будущий советский посол в Берлине Деканозов и тогдашний заместитель наркома внутренних дел Меркулов. Граф Шуленбург и я выехали в Берлин одновременно с Молотовым и вместе с ним 14 ноября вернулись в Москву.

Пребывание Молотова в Берлине продолжалось ровно 48 часов, на протяжении которых он имел две продолжительные беседы с Гитлером и три с Риббентропом; кроме того, он посетил Гесса и Геринга. Разговор с Гессом шёл об организационной структуре национал-социалистического государства, причём Молотов особенно интересовался «задачами заместителя фюрера». С Герингом Молотов беседовал о германо-русских торговых отношениях и, в частности, жаловался на то, что Германия по своим поставкам далеко отстаёт от Советского Союза. Геринг пытался объяснить это войной, ростом собственных потребностей Германии в машиностроительных станках и промышленном оборудовании. На эту отговорку Молотов возразил, что в результате завоеваний в Европе столь обширных территорий Германия не может испытывать недостатка в тех изделиях, в которых имеет большую потребность Советский Союз. Геринг, со своей стороны, выразил недовольство тем объёмом германской технической помощи, на который претендует Советский Союз и который равнозначен выдаче производственных секретов. В целом же тон беседы был вполне дружеским, причём Геринг даже в этой ситуации изображал из себя светского человека с игривыми манерами, чем он уже не раз вводил в заблуждение иностранных визитёров относительно своего истинного характера.

Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен. Ему явно было важно расположить к себе Молотова как в деловом, так и в человеческом плане. Однако на второй день противоположность целей обоих партнёров по переговорам выявилась столь отчётливо, что о возможности договорённостей речь уже вряд ли могла идти. В то время как Гитлер начал переговоры с утверждения, что война Германией уже выиграна и теперь дело лишь за дележом военной добычи, Молотов настаивал на своём желании выяснить определённые конкретные вопросы. Так, он подчеркнул, что Германия, вразрез с договорами, держит свои войска в Финляндии, и потребовал их вывода. Он охарактеризовал германские действия в Вене (имеется в виду т.н. Венский арбитраж) и гарантирование румынской границы как нарушение обязательства о консультациях. Он затронул вопрос о создании зон безопасности Советского Союза в Болгарии, на Босфоре и Дарданеллах. Но ни на один из этих вопросов удовлетворительного ответа от Гитлера он не получил. Вместо того Гитлер предавался общим рассуждениям о необходимости взаимопонимания между Германией и Советским Союзом относительно массы британского имущества после неминуемого поражения Англии. При этом чётко выявились две вещи: намерение Гитлера подтолкнуть Советский Союз в направлении Персидского залива и его отказ признать советские интересы в Европе. Молотов же настаивал на ясном ответе на свои вопросы с таким упорством, что это вызвало у Гитлера растущее раздражение.

На заключительной беседе с Риббентропом вечером 13 ноября Молотов вновь подчеркнул не только наличие интересов Советского Союза на Балканах, но и его заинтересованность в свободном выходе из Балтийского моря. И во время этой беседы упоминались те предварительные условия, при которых могло бы произойти присоединение Советского Союза к пакту Трёх держав.

По возвращении Молотова в Москву советское правительство в меморандуме от 25 ноября вновь поставило все эти вопросы, но ответа на них так никогда и не получило. Однако Гитлер истолковал меморандум таким образом, что советское правительство решило осуществить свои собственные желания и оказать сопротивление германским притязаниям. Сделанный им вывод нашёл выражение 18 декабря 1940 года в директиве № 21 под названием «Операция Барбаросса», которая начиналась словами: «Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании ещё до того, как будет закончена война с Англией».

Вот как оценивает ситуацию историк Трумбулл Хиггинс: «…Убедившись в отсутствии ответа англичан на его мирное предложение и постоянно помня о своих собственных сомнениях, касающихся «очень опасного» вторжения в Британию, Гитлер 21 июля рассказал о своих идеях армейской верхушке. Несмотря на признание фюрера в том, что нет никаких признаков агрессивности русских по отношению к Германии, всё же предполагаемое заигрывание Сталина с Британией, якобы ради выигрыша времени и территории, было названо Гитлером истинной причиной начала планирования нападения на Советский Союз осенью 1940 года.

На следующий день генерал Гальдер был проинформирован, что фюрер приказал собрать от 80 до 100 дивизий в течение следующих четырёх-шести недель. Он хотел сокрушить Красную армию (силы которой оценивались как 50-75 дивизий) и, кроме того, проникнуть в глубь территории Советского Союза достаточно далеко, чтобы предотвратить воздушные атаки русских на рейх и позволить люфтваффе бомбить промышленные предприятия Урала. В качестве политических целей Гитлер наметил доминирование Германии в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Фюрер признал, что такая кампания этой осенью ослабит текущие воздушные налёты на Британию, но уже приступил к обсуждению с гроссадмиралом Редером перспективы, устраивающей обе стороны, отложить приобретающее всё более гипотетический характер вторжение в Британию до мая 1941 года.

В течение следующей недели, пока Гальдер обсуждал возможность выступления сотни немецких дивизий на Москву и захвата с этой центральной позиции Украины, фельдмаршал Кейтель убедил фюрера, что с точки зрения логистики невозможно вовремя вернуть немецкую армию из Франции для начала кампании осенью того же года. Как молодой Мольтке был вынужден объяснить кайзеру Вильгельму II в 1914 году: переброска нескольких миллионов человек не может производиться без подготовки и в последний момент, какими бы неотложными или благоприятными ни были политические обстоятельства.

29 июля генерал Йодль сообщил новость о намерении

Гитлера напасть на Россию в 1941 году полковнику Вальтеру Варлимонту и его штабу в ОКВ. На вопросы шокированных военных относительно возможности такого нападения до победы над Англией Йодль дал весьма неубедительное объяснение. Он сказал, что мотив фюрера – собрать больше сил для покорения Великобритании, разгромив Красную армию, тем самым якобы высвободив людей и технику для переправы через Канал осенью 1941 года, то есть сразу после завершения русской кампании. Наконец, Йодлю пришлось сказать скептикам из штаба ОКВ, что фундаментальное намерение напасть на СССР в 1941 году больше не является предметом обсуждения. Гитлер уже принял решение. Верховному командованию армии (ОКХ), которое предпочло бы нанести «решающий удар» по Великобритании на относительно безопасном Средиземноморском театре, вместо этого пришлось поручить бригадному генералу Эриху Марксу планирование русской кампании в следующем году. В этот период гроссадмирал Редер и его военно-морской флот оставались в неведении относительно восточных планов.

31 июля, встретившись с армейской верхушкой в Бергхофе, Гитлер, дождавшись ухода Редера, изложил свои предложения относительно России в подробностях. Он снова назвал операцию оправданной, потому что «Россия является фактором, на который Британия определённо делает ставку. Что-то случилось в Лондоне. Англичане были совершенно подавлены. Теперь они снова воспрянули духом».

Далее Гитлер сказал:

«Однако, если Россия будет разбита, тогда последняя надежда Европы исчезнет. Германия окажется хозяйкой Европы и Балкан.

Решение: в ходе этого противостояния с Россией должно быть покончено весной 1941 года.

Чем быстрее мы разобьём Россию, тем лучше. Операция имеет смысл, только если мы сокрушим государство одним сильным ударом. Одного только завоевания территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но принять твёрдое решение разгромить Россию. Это необходимо и в связи с ситуацией на Балтике. Никому не нужна вторая великая держава на Балтийском море: май 1941 года. Пять месяцев на выполнение. Предпочтительная тишина в этом году. Однако невозможно, если придётся выполнять как одну операцию.

Цель: уничтожение жизненной энергии России.

Прорваться в:

Первая атака: Киев, остановка на Днепре. Люфтваффе уничтожают переправы. Одесса. Вторая атака: балтийские государства в направлении Москвы.

В завершение схождение с севера и юга. Позднее специальная операция против бакинских нефтяных месторождений. В какой степени будут заинтересованы Финляндия и Турция, будет видно».

В заключение Гитлер решил увеличить армию на 50 дивизий, таким образом доведя численность, используемую в Восточной кампании, до 120 дивизий, оставив 60 дивизий охранять его завоевания на западе. Фюрер сделал над собой усилие и заметил, что чем больше дивизий вторгнутся в Россию, тем лучше. В отличие от недавно завершенной операции на западе в кампании на востоке не должно быть ограничений, по крайней мере по стандартам гитлеровского рейха.

Что касается утверждения Гитлера о том, что Советский Союз – это страна, на которую в основном надеется Великобритания, американский посол Джозеф Кеннеди высказал такой же циничный, хотя и несколько более искренний взгляд, когда 31 июля отправил из Лондона в Государственный департамент США телеграмму следующего содержания: «Не позволяйте никому совершить ошибку; эта война, с точки зрения Великобритании, ведётся устремив взоры только в одну сторону – к Соединённым Штатам Америки. Они понимают, что, если не произойдёт чуда, в перспективе у них нет шансов». При таких обстоятельствах сталинская осторожность летом 1940 года так же понятна, как и излишняя уверенность Гитлера в Восточной кампании.

1 августа генерал Гальдер изложил генералу Марксу основные положения будущей кампании в России, подчеркнув и главный удар в направлении Москвы, и определённую логистическую слабость, присущую любой атаке из Румынии на Украину. Гальдер всегда уделял меньшее значение операциям на периферии для того, чтобы они с самого начала не сказались на главном ударе – на русскую столицу. Следует отметить, что акцент, сделанный Гальдером на Москву, мог войти в потенциальное противоречие с заявлением Гитлера от 31 июля о том, что первая и вторая атаки немцев будут против Украины и Прибалтики, а в Москве они сойдутся лишь позднее.

План Маркса, переданный ОКХ 5 августа, в основном воплощал взгляды Гальдера, видевшего главной целью Москву, а атаки в Прибалтике и на Украине рассматривались как второстепенные. Маркс наметил развёртывание 147 немецких дивизий, организованных в пять армий, три из которых будут находиться севернее Припятских болот. Планом предусматривался выход немцев на линию Москва – Ленинград через шесть-двенадцать недель. Для достижения конечной цели – линии Архангельск – Горький – Ростов, по его оценке, требовалось девять-семнадцать недель, в зависимости от силы сопротивления русских. В одном отношении план Маркса оказался довольно реалистичным: по немецким оценкам, Красная Армия насчитывала около 150 дивизий, которые она могла выставить против немцев и финнов. Маркс же считал, что русские предпочтут занять передовые позиции, тем самым дав немецкой армии возможность уничтожить Красную Армию раньше, чем она сумеет отступить в глубь территории СССР.

Сразу после передачи своего плана командованию генерал Маркс обсудил его с генерал-майором Эрихом Кестрингом, весьма компетентным германским военным атташе в России. Тот поклялся держать план в тайне от своих начальников-русофилов, таких как посол Шуленбург. Кестринг не согласился с тем, что взятие Москвы станет решающим фактором в поражении Красной Армии. Он слишком долго имел дело с Россией и знал, что советские ресурсы за Уралом, так же как и русская смекалка, и способность русских экспромтом создавать новые связи, позволят им выжить после потери столицы, хотя она и является центром связей такого опасно централизованного государства, как Советский Союз. Кестринг признал, что Красной Армии потребуется не меньше четырёх лет, чтобы оправиться от сталинских чисток. В будущем отдельные аспекты аргументов Кестринга окажутся бесценными для Гитлера в его спорах с ОКХ.

Первая директива, касающаяся логистической подготовки операций в Советском Союзе, получила кодовое название «Ауфбау-Ост», или «Сосредоточение на восток», и была издана 9 августа. Правильно оценил гроссадмирал Редер её значение или нет, но он в любом случае должен был почувствовать, что ветер подул в другом направлении, когда 13 августа получил информацию о том, что фюрер требует усиления оборонительных сооружений и развёртывания дополнительных сил армии в Северной Норвегии на случай атаки русских. Не-

мецкая армия, как было сказано Редеру, займёт ценные никелевые месторождения в районе Петсамо в случае возобновления русско-финского конфликта. Операция в районе Петсамо получит кодовое название «Рантье». В ней примет участие 2-я горная дивизия с новой передовой базы в Киркенесе – в Норвегии на финской границе.

На следующий день генерал Томас, глава армейского ведомства экономики и вооружений, не поддерживавший нацистов, получил сообщение рейхсмаршала Геринга о том, что фюрер намерен поставлять военную технику и оборудование в Советский Союз только до весны 1941 года. Это «указание», каковым посчитал его Томас, касающееся глубоко засекреченного будущего, подсказало необходимость обеспечить приоритет поставкам, предназначенным для вполне безобидно звучащей операции «Ауфбау-Ост». Он был прав, поскольку подготовка к альтернативной конкурирующей операции «Морской лев» – вторжению в Великобританию – всё чаще сталкивалась с трудностями ввиду явного безразличия фюрера и Редера и активного сопротивления Королевских ВВС.

18 августа один из агентов Геринга получил разрешение отправить запасы и персонал люфтваффе через Финляндию в Северную Норвегию, и одновременно рейху предоставлялся опцион на финских никелевых шахтах, теперь столь желанных для Советского Союза. Взамен финны получили военные грузы из Германии. Желая приобрести союзника для прикрытия своего северного фланга, Гитлер уже перешёл от идеи защиты Финляндии против советской угрозы к намерению вознаградить финнов всей восточной частью Карелии, если они помогут Германии перерезать жизненно важную железную дорогу в Мурманск.

Аналогичная тенденция к нацистскому вмешательству против СССР на немецком фланге Балкан стала очевидной в середине августа 1940 года, хотя первоначально была только средством держать и русских, и итальянцев подальше от этого района. Желая оправдаться перед Риббентропом, вся внешняя политика которого строилась на германо-советском пакте 1939 года, Гитлер безосновательно заявил, что, если русские возобновят свои претензии насчёт Румынии, угроза, нависшая над нефтяными месторождениями в Плоешти, сделает рейх зависимым от доброй воли Сталина для дальнейшего ведения войны».

Из воспоминаний руководителя внешней разведки нацистской Германии Вальтера Шелленберга: «К этому же времени относятся также попытки Гитлера прийти к политическому единению с Россией, которое обеспечило бы ему свободу действий на Западе. Гиммлер рассказал мне, что он постоянно указывал Гитлеру на ненадёжность и опасность России в качестве партнёра, напоминая ему, в частности, о недавних действиях России в Бессарабии и Буковине. Король Румынии уступил эти области России по совету Гитлера. После того, как Германия заключила с Румынией договор об отправке «учебной воинской части» в Бухарест (При этом известную роль играла охрана румынских нефтяных месторождений. После нашего нападения на Норвегию мы узнали от своего парижского агента, сотрудничавшего с телефонисткой французского премьер-министра Поля Рено, о содержании уже упомянутой резолюции высшего совета союзных войск от 28 марта 1940 г., согласно которой предусматривалось прекращение поставок румынской нефти в Германию. Во время французской кампании оригинал документа попал в наши руки. Союзники решили сорвать добычу нефти при помощи диверсий на месторождениях. Гейдрих срочно приказал обеспечить охрану месторождений силами разведки. До последнего времени эта охрана была эффективной, но теперь Гитлер хотел предусмотрительно использовать для этого и военные силы.), Москва реагировала на это захватом румынских островов в дельте Дуная под тем предлогом, что они относятся к территории Бессарабии. Это дало Советам господство над выходами из Дуная в Чёрное море.

Несмотря на возникшее в результате этого недоверие, Гитлер всё же хотел ещё раз попробовать договориться с Россией. По его приказу Риббентроп написал письмо Сталину, в котором намекал, что Германия приветствовала бы присоединение России к тройственному пакту. Ответ Сталина был очень вежливым, но, по сути дела, он не сказал ничего определённого. В конце концов Сталин предложил обсудить этот вопрос на уровне министров иностранных дел. В результате 13 ноября 1940 года состоялся визит Молотова в Берлин. Среди сопровождавших его лиц находился новый посол СССР в Германии Деканозов, земляк и доверенное лицо Сталина. Мы с большим беспокойством восприняли известие о назначении Деканозова на пост посла в Берлине, так как нам было ясно, что это событие повлечёт за собой активизацию деятельности русской разведки как в Германии, так и в оккупированных нами областях.

За безопасность русской делегации на пути от Варшавы до Берлина отвечал я. Относительно мер по охране на территории Германии я был совершенно спокоен, но на участке пути, проходившем по польским землям, нужно было быть готовым ко всяким неожиданностям. Советы сразу же высказали свои сомнения на этот счёт. Вдоль железной дороги на всём протяжении пути были выставлены удвоенные посты, кроме того, специальные команды патрулировали участки пути. При этом мы установили всеобъемлющий контроль за границей, гостиницами и поездом. Вместе с тем велось скрытое наблюдение за всеми спутниками Молотова; ведь не в первый раз русские использовали такие возможности, чтобы незаметно протащить с собой агентов разведки. Наше подозрение и на этот раз было не без оснований – личность трёх членов делегации нам не удалось установить, и как раз они-то, прибыв в Берлин, сразу же установили контакты со всеми возможными центрами. Однажды мы захотели вмешаться, но русскому удалось достичь экстерриториальной зоны своего посольства и скрыться там.

Через четыре дня Молотов возвратился в Москву. Несколько позже германскому послу графу фон дер Шуленбургу была вручена нота, в которой, в частности, содержалась просьба о выяснении позиции Германии.

Ответ, который дал Гитлер 22 июня 1941 года – до этого срока он вообще никак не реагировал на ноту – известен; это было военное нападение на Россию. Уже в сентябре 1940 года он усилил Восточный фронт на 20 дивизий и приказал подготовить план кампании против России. Окончательное решение выступить в поход на Восток было принято уже через несколько недель после визита Молотова. В те дни в одном из разговоров со мной Гейдрих дал мне понять о новом «изменении фронта», предпринятом Гитлером. Гитлер, сказал он, окончательно отказался от планов построения в будущем «евро-африканской зоны». «Евро-азиатская зона» – вот новый лозунг. При этом Гейдриха, казалось, самого охватило беспокойство; я понял это из его замечания: «Эти британцы слишком ожесточены, они не хотят проявить ни малейшего благоразумия». Через несколько месяцев я узнал, что 18 декабря 1940 года Гитлер подписал план «Барбаросса» – план нападения на Советский Союз.

(Продолжение следует)

Валерий АНИШКИН

МОЯ КАРМА

Человек в мире изменённого сознания

(в сокращении)

Глава 6

Тамара Петровна сидела на диване, находилась в подавленном состоянии, и то, что она больна и измучена болью, говорила разорванная в нескольких местах лишённая яркости аура. *(Аура – энергетическое поле человека, т.е. биополе или пси-поле.)* Свечение вокруг её головы сжалось до таких размеров, что было едва заметно. Обычно я вижу это эфирное сияние или то, что называют аурой, размером в несколько сантиметров или больше, но здесь присутствовала явная патология, да и тёмно-красные цвета, плясавшие в серо-голубоватом поле в лобной части, говорили о головной боли, которую сейчас испытывает женщина. Это тонкое эфирное свечение, окружающее человека, экстрасенсы видят по-разному. Для кого-то это просто бледное или серо-голубое свечение, а для кого-то – разноцветный вихрь с провалами и тёмными сгустками. Но всё это зависит от эмоционального состояния и способностей самого экстрасенса. Я, например, всегда видел ауру разноцветной…

Мне не составляло большого труда снять мучившую Тамару Петровну боль. И хотя это могло принести ей облегчение лишь кратковременное, она заметно ожила, глаза приобрели осмысленное выражение.

– Как часто у вас бывают приступы? – мне нужна была хотя бы общая информация о болезни матери Ивана.

– Раньше как-то обходилось. Ну, поболит иногда голова и проходит. А последнюю неделю каждый день… Я же не могу работать. Меня всё раздражает, даже запахи; тошнит и кружится голова.

Говорила она медленно и словно сквозь зубы, наверно, боясь повторения мучительного недуга.

– Это наследственное? Из родителей кто-то страдал от мигрени?

– Я такого не помню… По-моему, нет.

– Ну, это уже хорошо. То есть, ваша болезнь приобретённая, а значит, её причины лежат где-то в прошлом.

Это давало мне шанс справиться с болезнью Тамары Петровны, введя её в глубокую медитацию, найдя причину в подсознании, и перепрограммировать то, что привело к сбою или разрушению какого-то механизма.

– Тамара Петровна, я введу вас в особое состояние сознания, – сказал я, – и мы вместе с вами попробуем заглянуть туда, где мог произойти сбой.

– Это что, гипноз? – спросил Сергей Николаевич.

– Нет. Это немного другое.

Я видел скептическое выражение лица Ванькиного отца и добавил:

– Учёные тоже признают этот метод, хотя они не верят, что это часто единственный способ, который может помочь при лечении нервных расстройств. Но ведь лекарства в этом случае почти не улучшают самочувствие, – попробовал я объяснить смысл попытки моего лечения и попросил:

– Сергей Николаевич, нужно убрать всё, что может мне мешать. Нужно отключить телефон, радио, закрыть окна, чтобы даже небольшой шум не проникал в комнату, закрыть плотно шторы, чтобы не проникал дневной свет. Хорошо бы включить торшер.

– А зачем тогда штору задвигать? – Сергей Николаевич всё ещё воспринимал мои действия как какую-то клоунаду, и ирония явно проскальзывала в его словах.

– Яркий дневной цвет раздражает и мешает сосредоточиться, – отмахнулся я от Ванькиного отца и не стал вдаваться в долгие объяснения, потому что мой мозг начал непроизвольно настраиваться на другую частоту, и моё восприятие пространства и времени приобретало иную форму. В таких случаях мне становиться трудно сконцентрировать внимание на обычных формах.

– Вы можете переодеться в спортивный костюм? – спросил я Тамару Петровну.

Она растерянно посмотрела на мужа.

– Мам, надень мой.

– Да я в нём утону, – Тамара Петровна вяло улыбнулась.

– Да ничего страшного. Главное, что вас ничего не будет стеснять, – успокоил я Тамару Петровну, и она пошла переодеваться в Ванькину комнату. Вышла она смущенная и, видно, чувствовала себя неловко перед чужим человеком в одежде не по фигуре. Невысокого роста и худощавая она в Ванькином костюме выглядела немного нелепо: и брюки и рукава футболки пришлось подвернуть, да и всё это висело на ней как на вешалке.

У Ивана был магнитофон, и я попросил поставить бобину *(Бобина (от фр. bobine – катушка) – катушка, на которую намотываалась магнитная лента с звукозаписью во время катушечных магнитофонов.)* со спокойной музыкой.

– Блюзы подойдут? – спросил Иван, перебирая бобины с записями.

– Вполне, – согласился я.

Сергея Николаевича и Ивана я предупредил, чтобы они соблюдали полную тишину, а ещё лучше, чтобы часок или больше посидели на кухне.

Когда всё было готово: шторы задёрнуты, от торшера в углу исходил неяркий рассеянный свет, а магнитофон настроен на тихую приятную мелодию блюза, Сергей Николаевич с Иваном ушли на кухню, оставив нас с Тамарой Петровной в комнате, теперь полностью располагавшей к сеансу. Я попросил Тамару Петровну лечь на диван, по мере возможности расслабиться и начал сеанс.

– Не настраивайтесь на какое-то из своих переживаний, – предупредил я. – Они возникнут сами. В том сознании, в котором вы сейчас окажетесь, ваш организм выберет то, что нужно… Теперь закройте глаза. Сделайте глубокий вдох и начните считать от десяти до одного, то есть, в обратном порядке. Когда

вы погрузитесь в нужное мне состояние, вы не утеряете связь со мной. Я рядом и всё контролирую… Теперь дышите… Глубже… Начинайте считать. Вслух. Медленно… Настраивайтесь на музыку и дышите, регулируя своё дыхание.

Она стала считать. На цифре семь она перестала контролировать своё тело, проваливаясь в глубину нужного мне состояния.

– Сейчас у вас появятся приятные ощущения, – тихо и монотонно говорил я. – Но начинайте уходить дальше, в глубь вашего сознания… Могут появиться различные образы. Они могут показаться необычными, как иногда во сне. Не пугайтесь… Через некоторое время вас может остановить что-то, что явилось причиной головных болей. Это может быть что-то очень неприятное. Не бойтесь ничего, я рядом. Я возьму вас за руку, и страх уйдёт.

Лицо Тамары Петровны постоянно менялось: она хмурилась или улыбалась, но это оставалось в пределах обычных и не ярко выраженных эмоций, и у меня не вызывало беспокойства. Но вдруг она заволновалась. Лицо её исказила гримаса страха, в руках и ногах появились судороги. Я взял Тамару Петровну за руку. Она постепенно успокоилась, но, когда я убрал руку, выражение страха снова появилось на её лице, и снова судороги пробежали по телу. Я снова взял её руку, рука была совершенно холодной, и я пытался согреть её, изменял ритм дыхания, пассами усмирял вновь возникавшую головную боль, которую я определял по изменению биополя вокруг головы.

Не знаю, сколько времени прошло, но в какой-то момент Тамара Петровна вдруг снова успокоилась, её дыхание стало ровным, а на лице появилась счастливая улыбка. Аура менялась на глазах. Посветлели тёмно-красные сгустки вокруг головы, пульсация ауры приобрела ритмичность, и свечение стало ярче. Разрывы ещё оставались, но это меня уже не беспокоило, потому что я видел, что механизм заживления организма запущен…

Теперь мне хотелось узнать, что чувствовала и переживала Тамара Петровна, открыв своё подсознание. Но если её рассказ интересовал меня как лишнее доказательство действенности пси-метода, способного произвести перенастройку всего организма и перестроить внутренние программы, то для Сергея Николаевича это стало шоком, потому что шло вразрез с его мировоззрением и представлениями о том разумном пределе, которое сложилось в его голове. Иван же принял всё это без особых эмоций и просто радовался за мать. В конце концов, он, как и я, был из другого поколения, поколения шестидесятых годов, а это поколение уже отличалось более гибким сознанием.

Сергей Николаевич отказывался глазам своим верить от разительной перемены в поведении и облике Тамары Петровны. Действительно, она существенно отличалась от той собой, которую я увидел, когда вошёл в их квартиру. Она ожила, и даже лёгкий румянец играл на щеках.

– Вы знаете, – с робкой улыбкой сказала Тамара Петровна, – я в первый раз увидела, как светятся предметы. Я ведь не спала, я осознавала себя, хотя не понимала, где я. Вроде где-то в другом мире. Открыла глаза и увидела, что рука Володи светится. И цвет в горшочке на комоде светился, только по-другому. И моя рука тоже светилась.

– С чегой-то вдруг она засветилась? – засмеялся Сергей Николаевич.

– А ваша жена находилась в другом психическом состоянии. Это другая среда. Даже современная наука не может пока объяснить, что это такое.

– Мистика какая-то, – пожал плечами Сергей Николаевич.

– Да ну тебя, пап, – отмахнулся от отца Иван. – Рассказывай, мам.

– Я не заметила, когда то ли уснула, то ли впала в забытьё, но я испытывала покой, мне было хорошо и хотелось, чтобы это не кончалось. Я чувствовала себя частицей чего-то общего, а меня самой вроде как не стало… Но потом, – Тамара Петровна тяжело вздохнула, – я оказалась на утёсе, с которого все прыгали в море, а я боялась, потому что высоко. Но меня кто-то толкнул – я полетела вниз и чуть не зацепила основание скалы у воды, которое было шире, поэтому при прыжке нужно сильно оттолкнуться. Я в ужасе летела в воду, плюхнулась всем телом, ударилась головой обо что-то на дне. Не сильно, но всё же еле выплыла. Хотела очнуться, но снова и снова оказывалась на скале и падала. Хотела распрямиться и опять падала… А падала всё время плашмя, сильно ударяясь о воду и тонула. И каждый раз с трудом выплывала… Так всё повторялось и повторялось, пока я не ощутила тепло от Володиной руки. Я успокоилась, но снова оказалась на скале, только на этот раз прыгнула, сильно оттолкнувшись, выпрямилась в воздухе и как-то плавно вошла в воду. И в этот раз я не достала дна и знала, что оно где-то глубоко подо мной, легко вынырнула и медленно поплыла, радуясь, что мне хорошо, что я живу… Я даже любовалась игрой лучей солнца на морской поверхности…

Тамара Петровна вдруг замолчала, передёрнула плечами как от озноба и, посмотрев на меня, сказала:

– Но второй раз я бы такого не пережила.

Это прозвучало категорически, хотя я, конечно, не собирался повторять с ней этот опыт, похожий на экзекуцию.

– Я же по-настоящему ощущала весь ужас того, что со мной происходило. Это было всё так, как тогда. А я – та девочка, которая падала со скалы… Но зато потом, когда я плыла в море, мне было так легко, – закончила она, и улыбка снова осветила её лицо.

– Вы вернулись к воспоминаниям события, которое стало причиной вашей болезни, и повторив всё много раз, освободились от этого неприятного и разрушающего чувства.

– Ну, ты говорила, что в девушках, когда жила с дедом и бабушкой в деревне в Крыму, упала со скалы? Но это было давно, и я никак не думал, что твоя голова болит от этого, – удивился Сергей Николаевич. – Так что, голова не болит?

Сергей Николаевич повернулся ко мне. Тамара Петровна с Иваном тоже смотрели на меня.

– Не всё так просто, – разочаровал я их. – Может быть, ещё и поболит когда, но это будет реже, скорее всего обойдётся без сильной боли, а со временем, я думаю, совсем пройдёт… Вам бы, Тамара Петровна, теперь хорошо походить на общеукрепляющие процедуры. Это ускорит полное выздоровление…

Прошли дни, недели, и перемены, которые произошли с Тамарой Петровной, стали ощутимы. Отступил недуг, с которым безуспешно боролись всеми доступными средствами, а после физиотерапевтических процедур Тамара Петровна отказалась от лекарств и чувствовала себя хорошо.

Врачи приписывали выздоровление лекарствам и курсу физиотерапии, и это так их вдохновило, что главврач поликлиники даже делал доклад по «новому» методу излечения мигрени. Врачей никто не разуверял, а с Тамары Петровны, Сергея Николаевича и Ивана я взял слово никому о моём сеансе введения в состояние, где действуют другие временные потоки, не говорить, потому что, по мнению учёных, все парапсихологические экспериментальные данные являлись обманом. И это естественно, ведь природа практически всех парапсихологических феноменов неизвестна, а традиционная наука имеет дело с вещами материальными.

Елена СОЛОВЬЁВА

Соловьёва Елена Валерьевна родилась в 1970 году в городе Копейске Челябинской области. В 1996 году окончила филологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Автор ряда книг, лауреат конкурса «Новая детская книга», обладательница Гран-при национальной премии «Рукопись года», лонглистер Всесоюзной литературной премии «Ясная поляна». Дважды входила в короткий список литературной премии им. П.П. Бажова в номинации «Мастер. Проза». Составитель итоговых сборников статей финалистов Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион». Многолетний автор журнала «Современная драматургия». Печаталась в журналах «STORY», «Отечественные записки», «Новый мир», «Большой город», «Урал», «Новая юность», «Сибирские огни», альманахе «BRAND» (Лондон), «Вещь», «Артикуляция». Живёт и работает в Екатеринбурге.

Ему везло

Кто скажет, что Валерке по жизни не везло? Ещё вчера сидел у подъезда колдырь колдырём. А сегодня его провожают в последний путь по первому разряду. Не гроб – иномарка.

Валеркины кореша-собутыльники такой только по телику видели, там, где кладбища ухоженные, нерусские, и народ у могилы в тёмных очках. Меркнет-меркнет на этом фоне пластиковый венок «Палычу от друзей». А гроб и вправду хорош. Не гроб – игрушка: лакированный, светлого дерева. Внутри, как карета элегантных времён, обит белоснежной материей с матовой искрой. И вот уже завистливая молодуха толкает мужа в бок: «Когда помру, – шипит, – мне такой же купи. Ну, или на крайняк, как у Славика, а то скажут – «опять на жене экономит». Муж мечтательно улыбается. Да только жёнушка его переживёт. Такие, которые досконально знают, как на похоронах себя вести и в больницах, всегда живут долго. Вот и сейчас шёпотом наставляет: «Как в церковь войдём, шапку сними и свечку в правую руку». Хотя какая там церковь – сарай просторный с башенкой пристроенной и розовые терриконики за дощатым забором.

Да ведь старушки приходские ловчее крыс: мигом всех входящих обслужили – и свечки выдали, и чтоб воск одежду не портил – кружочки картонные, почему-то из сигаретных пачек – вырезанные «Pall Mall» и «Marlboro». Валерка «Bond» курил. При жизни. Пил всё, что горит, и чёрный чифир по утрам. А теперь гроб у него на специальных болтах. Это значит – не будут забивать в крышку гвозди. Звук, который слезу вышибает даже у тех, кто последний раз в ясельном возрасте плакал. Шахтёры – народ суровый.

А Валерке первый раз ещё в раннем детстве повезло. Когда из всех приютских бездетная пара именно его выбрала. Брат, Лёшка, на два года старше, так там и остался. «Большой». А Валерка – в самый раз. Глаза чёрные, зубы белые, вот только живот как у рахита, так это от недокорма. Родился-то в 45-м. Дети войны. Неделю по врачам таскали. А ночами он на своей койке приютской просыпался, смотрел, как тень от дерева на потолке шевелится, и плакал: лишь бы никакой болезни не нашли, лишь бы забрали. Не нашли. Забрали. Лёшку больше никогда не видел. О настоящих родителях никогда ничего не узнал.

Зато, как с армии пришёл, на баяне играть выучился. Самостоятельно. Белая кнопка, чёрная кнопка. Меха как залихватски растянешь розовые! Хороший баянист на любой гулянке – гость желанный. И родня приёмная вся певучая, плясучая да до спиртного охочая. После пятой рюмки – ясен пень – про самолёты: «Ну а девушки?» Тут Валерке в очередной раз повезло, да не просто так, а на всю жизнь, если вдуматься. Аля его – комсомолка-лыжница, умная и добрая, волос каштановый, улыбка с ямочками, даром, что «дерёвня». Их родню до войны целыми семьями раскулачивали и на местные шахты свозили. Работать. Свекровь жену сына, правда, невзлюбила, ей бы из торговли кого или из снабжения. А эта – простушка, подать себя не умеет. Сама же мать Валеркина приёмная ещё и чернобурку тогда поверх платья носила, туфли лаковые и губы красила. Так у резных деревянных ворот на память и фотографировались, даже с сорочьей надменностью в позах. С искрой галочьей в глазах: видали, мол?

Видали. Потом. В альбоме, плесенью тронутом, который в ящике комода завалялся, рядом с окаменевшей коркой хлеба и рваным чулком. А тогда в просторном дядькином доме вечно простывшим праздником пахло: подкисшим к утру винегретом, пирогами, щедро пролитой на стол водкой. И брага в кастрюле у печки дышала, как живая. Сказки рассказывала, нашёптывала. И уголёк, которым топили, потрескивал. Ледащий уголёк, бурый, дурной, не коксованный, без силы настоящей – нрав людишкам местным портил, они из забоя вроде как тайну грустную приносили, въелась в кожу серой сажей – не отмыться. Углекопы.

– Знаешь, как у крыс шахтовых глаза горят? – пьяный Валерка у сына спрашивал. И по-японски говорил, по-китайски, по-немецки – язык коверкал – аттракцион такой в угаре пьяном. Может, что-то рассказать хотел, да слов подобрать не мог, для того, что узнал-почувствовал, как утекает сила за угольком второсортным, мелеет, как тутошние шахты, чей срок уже на исходе. И светит им одно: затопят нахрен, а потом, говорят, полигон разобьют мусорный – по последним разработкам буржуев. И с годами тяжелела Валеркина тайна, чернотой наливалась, особенно когда дядька умер и высохла пьянка-жизнь в его дворе широком, где сирень, и чарка, и цыганочка с выходом, и маркшейдера с выездом на собственном, заметьте, авто. Коекто и на сиреневом.

Вот и сейчас, если в заднее окно автобуса выглянуть, на котором Валеркину тайну под землю прятать везут, кортеж увидишь – сплошь из иномарок. Сын у шахтёра основательный вырос, правильный. И хоть ссался до 15 лет от страха перед пьяным родителем, после смерти дурного слова о бате не сказал. Одно сказал: «Он так в больницу и не поехал, в подъезде умер. Ему что больница, что приют – страшнее некуда». И лаковый гроб отцовский в могилу не просто так опустил, а на специальном устройстве – широких механических ремнях. Медленно. Все так рты и разинули. «Как в американском кино», говорят. Видали?

И с Алей Валерке повезло. Хоть у кого во дворе спросите. Других колдырей жёны со злости и на порог не пускали – лежи, козёл, у двери на коврике, коли нажрался. А Валерку Аля подберёт, накормит, ругань вытерпит, сопли вытрет и детям скажет: «Ни гу-гу. Папочка болен». Может, тоже знала что про тайну чёрную, которая гнилым испарением сочится к людям от этой земли с нутром выскобленным, как при лихом аборте, от карьеров её заброшенных, пустырей и террикоников, когда уже не гнутся пальцы – рысцой пробежать по кнопкам баяна. Он до сих пор под кроватью пылится в футляре потрёпанном, с оборванным ремнём. А в тебе по ночам нет-нет, да проснётся отцовская тайна, и ты лежишь, смотришь в потолок и шепчешь: «Только бы никакой болезни не нашли, только бы забрали».

Андрей АНТИПИН

Андрей Александрович Антипин – прозаик, член Союза писателей России. Родился 19 августа 1984 года в селе Подымахино Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии им. Леонида Леонова для молодых авторов журнала «Наш современник» (2010) и ежегодной премии журнала «Наш современник» за лучшую публикацию 2013 года, Международной литературной премии им. Ивана Гончарова в номинации «Ученик мастера» (2015) и Всероссийской премии «Молодой Дельвиг» (2015), Всероссийской литературной премии им. Виктора Астафьева (2020). Живёт в посёлке Казарки Иркутской области.

Русские песни

Пастухи в смутный осенний день жгут в лугу костёр. Он, она, мальчик лет одиннадцати. Дым. Ветер. Котелок на таганке. Стадо у ельника. В дождь – залезают под навес из досок и ржавого автомобильного капота вместо крыши. Если затяжной – оттуда, из-под капота, глубокое женское пение: она, Наташа, работает в клубе хористкой…

Это у неё от Бога – петь. В школе выступала на всех утренниках. Ездила даже в район, привозила отстуканные на печатной машинке грамоты с тиснёным Лениным, потом – с двуглавым орлом. А вот учёба не давалась. Экзамены за девятый класс провалила. Шла по школьному двору и ревела, как пела – навзрыд. Пожалели, поставили тройки, сказав:

– За голос!

Он у неё и вправду – на редкость. Не парит, не звенит, не льётся ручейком, как обычно говорят. Ничего такого! Весь – земной: вот с этим костром на ветру, колбасой на дымном прутике и балаганом за поскотиной, а вслушаться – то и с мужем-пьяницей, с зарплатой в семь тысяч рублей и каким-то неизбывным бабьим горем, понять и пережить которое Наташе как будто довелось ещё девчонкой. Такими голосами раньше кричали на похоронах специально обученные плакальщицы. Профессия сошла на нет, а вот способность к этому, сила, страсть и страдание плакальщиц неожиданно проснулись в Наташе. Притом, что ничего похоронного в её пении нет.

Песни её русские, народные, а сама Наташа – якутка. После школы потыкалась-помыкалась, некоторое время перебивалась в городе. В девяносто восьмом вернулась, устроилась в родную школу техничкой, хотя ей говорили, чтоб не зарывала талант и поступала в Иркутское культпросветучилище. У неё уже был ребёнок, отец которого внезапно умер. И Наташа, конечно, никуда не поехала, сошлась с бывшим одноклассником. Расходились, снова сходились. Жили в брусовой квартирке на берегу. Он нигде не работал, разве что зимой иногда возил дрова на гусеничном тракторе, а с весны до поздней осени пастушил. Она приходила к нему после смены – не столько помогать, сколько следить, чтоб не запил и не распустил стадо. Когда сын подрос, стала и его отправлять – следить.

Потом в клубе освободилось место, и Наташу позвали. Наверное, вспомнили про её талант и понадеялись, что всё-таки поступит в училище, хотя бы на заочное отделение. Ей было уже тридцать, и она тем более не поехала. Наоборот, стала опаздывать, а то и вообще прогуливала. И тогда ни её, ни сожителя в лугу не видели, Витёк пас один. Зато в квартирке на берегу становилось шумно и весело, и когда отворялась дверь, был слышен глубокий Наташин голос. Она пела про сирень и про то, как любимый целовал её колени.

Вокруг смеялись, а Витёк просил:

– Мам, не пой! Они же над тобой угорают...

Спустя день-другой объявлялась, оплывшая и красная, с расстроенным горлом, в котором сипела какая-то ослабшая струнка. В перерывах между репетициями лущила пачки с таблетками, без конца мерила давление, вжикая тонометром и с треском отдирая липучку, – и курила, курила!

По утрам он привозил её на мотоцикле с дощатым коробом, в котором сидела собака, высаживал возле клуба, а сам ехал в луг, где управлялся Витёк. Под вечер приезжал, сигналил, сманивал за собой. Месяц, второй… И Наташа снова пропадала, пока не приходили с работы. Так повторялось раз за разом, за тем исключением, что «скорая» всё чаще мигала в темноте и забирала Наташу в город, где её обкалывали под системой и пичкали лекарствами. В последний раз её предупредили, что больше живой не довезут.

Год, другой, третий такой жизни – и Наташин голос надломился, сдвинулся, и там, за открывшимся краем, оставалось всё меньше света, надежды, силы.

Теперь уже не только репетиций, но и самих районных концертов, к которым долго готовились, Наташа стала избегать. Отключала телефон и запиралась в доме, а то высылала сына – сказать, что её нет и не будет. Он же, Витёк, несколько раз приносил записки, в которых Наташа просила уволить её по собственному желанию.

Неделю назад Наташа умерла. Ей было тридцать шесть. Хоронить пришли со всех концов посёлка. Приехали даже подружки, с которыми не виделись со школьной поры. Сенцы были тесные и узкие, и гроб подавали через окно. Тётка Саяра, старая тощая якутка, шла за гробом в расстёгнутых суконных сапогах и кричала:

– Доченька, это я тебя не углядела!

Везли на грузовой машине мимо ельника и навеса в лугу, где Наташа с мужем и сыном пасла стадо. Был ясный солнечный день, над навесом трепетала от ветра Наташина косынка, которую она для чего-то повязала за день или два до смерти. И многие, глядя на эту косынку, говорили, что Наташа «чувствовала».

Поминки были долгие, в три потока. Сначала поминали друзья и одноклассники, затем – земляки и коллеги по работе, и лишь в конце – родственники.

После её смерти одни сказали:

– Он, сволочь, втравил её!

Другие:

– Спилась и оставила сына сиротой!

Третьи обсуждали, как её ужасно раздуло в гробу. И только Верка с Береговой вспомнила, что однажды разругалась с мужем, прибежала к Наташе на пастбище, обе поплакали, сидя под навесом, и Наташа пела ей русские песни.

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА О ВОЙНЕ

(Воспоминания Геннадия Александровича Гилевского. Записала Смолеевская Елена Геннадьевна)

Геннадий ГИЛЕВСКИЙ, *2005 год*

Гилевский Геннадий Александрович. Родился в 1928 году в г. Орле. Отец – Гилевский Александр Станиславович – работал заведующим транспортной базы железнодорожной станции Орёл, был репрессирован в 1937 г. (реабилитирован в 1953 г.)
Геннадий во время оккупации Орла был взят в плен, работал в немецком трудовом лагере, бежал. Скитался по Белоруссии, в конце 1943 года удалось вернуться домой. Из родственников никого не застал. Стал беспризорничать, случайно попал в Липецк.
С 1944 года учился в ремесленном училище и работал в ремонтно-механическом цехе Новолипецкого завода. 1950–1953 гг. служба в Советской Армии на территории Восточной Германии – 10-й отдельный гаубичный дивизион (Крампниц, Потсдам, ГДР)
1957–1961 гг. учёба в Саратовском индустриальном техникуме (сейчас ППК СГТУ им. Гагарина Ю.А.) С 1961 г. работал механиком в «Теплострое» на строительстве 3-й доменной печи НЛМЗ. 1963 г. Участковый механик треста «Жилстрой».
Неоднократно повышал квалификацию на Высших инженерных курсах при Министерстве строительства предприятий тяжёлой индустрии СССР. С 1965 г. Главный механик 3-го строительного управления треста «Жилстрой». С 1971 г. Главный механик треста «Жилстрой». Неоднократно избирался секретарём парторганизации. Ветеран труда СССР. Вышел на пенсию в 1988 г.. Председатель Совета ветеранов треста «Жилстрой» с 1995 г.

Рассказ первый. Орёл, 1941 год

Для нас, мальчишек одиннадцати-двенадцати лет, лето наступало уже в начале мая, когда дни становились тёплыми, вечера долгими, а учебный год во всю прыть двигался к финишной черте, передавая эстафету экзаменам и долгожданным каникулам.

На чердаке нашего дома был штаб, устроенный почти как в фильме «Тимур и его команда». Картина вышла в прошлом году, и каждый пионер посмотрел его раз пять в кинотеатре «Молот», Клубе железнодорожников или летней площадке. Я был принят в пионеры позже других, и теперь с полным правом представлял себя Тимуром, объединив ребят нашей округи. Дом был высокий, каменный, и с чердака виднелась вся правая часть «рабочего городка». Через окно тянулись верёвки с окрестных домов к штурвалу, сделанному из колеса брички. Его использовали только для общего сбора. Обычно после школы ребята нашего двора и соседней улицы сами прибегали сюда, захватив с собой краюшки чёрного хлеба, посыпанные солью, обсудить неотложные дела нашего посёлка и отчитаться за личные и командные поручения. Главным делом было натаскать воды, напилить дров, иногда прочесть книги одиноким старушкам, а ещё поддерживать чистоту во дворе, помогать соседям и всем, кому могла понадобиться наша помощь.

Дни были радостно-долгими, и мы помимо всех забот успевали сбегать на речку или на луг, слазить в катакомбы, сделать шалаш, в общем, мало ли дел найдётся у мальчишек!

Бывало, с началом каникул мы отпрашивались у родителей и собирались по вечерам читать с фонариком страшные истории. Или договаривались между собой: «Давайте всю ночь не спать!» и при дрожащем свете свечи по очереди сочиняли небылицы. Шуметь было нельзя, говорили шёпотом, бодрились друг перед другом и толкались локтями, собрав всю волю в кулак – никто не хотел уснуть и прослыть слабаком. На рассвете выбирались на крыльцо встречать первые лучи солнца и расходились по домам. Наскоро умяв варёную картофелину или кусок хлеба с молоком, каждый нырял в кровать, и едва коснувшись щекой подушки, тонул в океане сновидений.

Иногда я спал, словно провалившись в чёрную бездну, и только редкие огоньки как фонарики удильщиков мерцали в глубине. Некоторые сны я чётко запоминал, другие ускользали из памяти. Чаще всего снилось, как мы с отцом ходили купаться на речку или запускать воздушного змея.

Купались тёплым вечером. Солнце опускалось за горизонт, и в сумерках красота заката, удвоенная зеркалом Оки, заполняла весь мир. И вдруг из воды поднималась огромная рыбина, вставала на хвост и, замерев на мгновенье, плюхалась на бок, блестя чешуёй и поднимая веер брызг. Эту картину я видел в детстве, и теперь она возвращалась во сне всё с тем же ощущением чуда.

Совсем другим был сон про змея. Он взмывал высоко-высоко в синеву утреннего неба, становился маленьким конвертом, на котором появлялась надпись «Товарищу Калинину». Потом неожиданно обрывалась бечёвка, и конверт улетал далеко-далеко за реку. Мы с братом Лёвкой бежали вдогонку, а отец кричал «Стойте!», догонял, ловил нас за руки и мы все вместе падали в траву в двух метрах от края обрыва, который совсем не заметили, вперив глаза в белый конверт. Каждый раз я просыпался, тяжело дыша.

Однажды мне приснился пожар. Горел дом соседей, я слышал треск, видел дым, искры и языки пламени, вырывающиеся из окон и щелей обшивки дома. Проснувшись, я был поражён тем, что увидел, ведь раньше мне никогда не доводилось бывать на пожаре, а всё происходило как вживую. Я побежал на кухню:

– Мама, правда, что Якунины сгорели?

– Нет. Что ты выдумываешь?

– Да я только что видел!

А через несколько дней соседка громко барабанила в двери всех квартир общего коридора и что-то кричала. Мать быстро оделась и пошла к колонке, мы с Лёвкой побежали за ней. На площадке вокруг столба с громкоговорителем стояли жители посёлка. По тревожно-размеренному голосу из репродуктора и напряжённым лицам людей стало понятно, что случилось что-то особенное и страшное. Так мы узнали, что началась война.

Война! О ней мы знали только из фильмов про Чапая и трактористов с песнями «Броня крепка» и «Три танкиста, три весёлых друга». Как-то мы услышали из разговора взрослых, что эта война закончится так же быстро, как финская, и немцев победим легко, просто закидаем шапками. Так во дворе появилась новая игра – несколько дней мы сражались на улице, кидаясь друг в друга разными головными уборами. В ход шли кепки, панамки, тюбетейки, но если удавалось тайком вытащить из гардероба зимнюю шапку, удар получался самым крепким.

Через месяц начались бомбёжки. Вначале нас не пугала воздушная тревога, и мы были главными зрителями «театра военных действий», с детским любопытством следя за событиями, разворачивающимися в ночном небе. Было интересно наблюдать как

«наши» прожектора нащупывали и высвечивали вражеские самолёты, вели их по тёмному небу, а зенитные орудия стреляли по ним. Сколько было радости, если советским защитникам удавалось подбить немецкий самолёт, и он уходил, горя и воя, в штопор. Дальше грохот взрыва, чёрный дым, ура!!!

Несмотря на материнские запреты, мы выбегали на крыльцо, оставаясь под защитой металлической кровли, о которую градом барабанили осколки снарядов. Мы охотились за ними и собирали целые коллекции разных форм и размеров, больше всего ценились синие или красные с золотым отливом.

Налёты немецких бомбардировщиков были нацелены на аэродром, железнодорожный вокзал и другие стратегические объекты. Крепко доставалось и жилым кварталам, расположенным по соседству.

Мы жили в Железнодорожном районе. Чтобы взрывной волной не выбило стёкла домов, хозяйки срочно оклеили их полосками бумаги. В городском саду под липами было наскоро выкопано бомбоубежище, но места для всех не хватало. Жители ближайших домишек прятались и пережидали бомбёжки в каменном подвале большого дома, где среди прочих располагалась и наша квартира. Раньше этот дом был частью старинного монастыря, от которого сохранилось несколько сооружений. Здесь мы были надёжно защищены. Наутро люди выходили с опаской, не зная, уцелело ли их жилище.

Как-то я шёл вдоль реки, возвращаясь из деревни, куда меня мать отправила за подсолнечным маслом, и вдруг неожиданно начался дневной налёт. Провожая взглядом тяжёлый бомбардировщик, летевший, гудя, в сторону моста, я увидел, как от него отделились две бомбы и с жутким воем стали стремительно падать вниз. Вжавшись в ямку и закрыв голову руками, я ощутил, как вздрогнула земля, услышал, как громыхнули взрывы и засвистели осколки. Подняв голову, увидел, что мост остался цел. Но бомбы попали в жилой посёлок и разрушили несколько домов. Подбежав ближе, среди развалин я впервые увидел убитого человека. Он лежал ничком среди обломков. Рядом горько плакала женщина. Другому мужчине повезло, его нашли под завалами почти без повреждений. Он чудом уцелел, оказавшись между упавшей стеной и спинкой кровати, остался жив.

С каждым налётом было всё больше и больше разрушений, на дорогах зияли воронки. Если жители не успевали уйти в бомбоубежище, было много погибших.

От вражеского обстрела зажигательными бомбами выгорел соседний порядок. Пока мы прятались в подвале, бомбы с диким воем падали вниз, тяжело ухали взрывы. За этими сводящими скулы душераздирающим звуками не было слышно ни гула, ни треска пожара. А как вышли на свет, ахнули – вместо домов и деревьев обугленные головешки и груды пепла. Сгорел и дом Якуниных.

Одна бомба разорвалась так близко, что разрушила угловую часть нашего дома. Жителей охватило отчаяние – и наша крепость не сможет нас защитить. А я горевал больше всех, ведь при взрыве засыпало и поломало мой садик, который я выращивал вдоль солнечной стороны дома. До слёз было жаль молодые кусты и деревца, которые дружно цвели по весне, а летом уже стали приносить первые плоды черешни, смородины и крыжовника.

С горя или просто сам по себе у меня разболелся зуб. Десна и щека раздулись, я не знал, куда себя деть, хоть на стену лезь. Промаялся целый день. И ночью, сидя в подвале под бомбёжкой, когда Илюха Косорукий при свисте очередной падающей бомбы причитал, натянув на голову одеяло: «Господи, хоть бы не к нам! Хоть бы не к нам!», я завыл: «Хоть бы к нам!» Мама меня одёрнула: «Тише!», у неё на руках спала младшая сестрёнка Светлана. Сидевшая рядом пожилая женщина сказала: «Мальчик, если живы останемся, завтра вскипяти водички, брось в стакан ложку соли, размешай и три раза набирай в рот полоскать». Я подскочил с места и, не дожидаясь окончания налёта немцев, побежал домой. В печке тлели угли, я подбросил пару дощечек и поставил кастрюльку с водой на плиту. Нашёл коробку соли и сделал всё, как научила старушка. Когда вода немного остыла, я набрал первую порцию в рот, стал полоскать, но боль стала ещё сильнее! Ругаясь и крутясь на месте, всё-таки прополоскал зуб ещё два раза. Потом вынул из шкафа мамин пуховый платок, обвязал щёку и лёг в кровать.

Утром проснулся, когда наши уже вернулись домой.

– Генка, ты где всю ночь пропадал?

– Здесь был, дома.

– Слышал, как самолёт упал и взорвался?

– Не-ет…

Раньше бы я такого никогда не пропустил, но этой ночью спал, как убитый.

Несколько дней было затишье, жили без бомбёжек и артобстрелов. В посёлке погорельцы бродили по развалинам, в надежде найти уцелевшие вещи.

Было тепло, стоял конец августа. Мальчишки из соседних частных домов во время каникул собирались группой по пять-шесть человек, и гнали коров пасти на луг. Я был с ними знаком и иногда ходил с этой компанией вдоль «железки», где за откосом, поросшим деревьями и кустарником, росло много травы. Там было подходящее место для пастбища и вольных игр. Мы стреляли из рогаток, играли в камешки или в карты на шелбаны.

В этот раз всё шло как обычно, пока Серёга не обнаружил за кустом большущую бомбу, торчащую из откоса. Ребята обрадовались, хотели её вытащить из земли, но она там крепко засела. Даже раскачать не удалось. Витька уселся на неё верхом, бомба была тёплая – за день нагрелась на солнце. Санёк вытащил из кармана мел и стал писать ругательные слова на крыльях стабилизатора. Все загалдели, каждый тоже хотел что-нибудь добавить или нарисовать. Примерно неделю мы продолжали в том же духе, разрисовывали, играли на ней, но однажды вечером, возвращаясь домой, мы уговорились, что завтра обязательно раскрутим её и достанем порох.

Мы с приятелями уже несколько раз находили мины и, аккуратно открутив головку, доставали чёрные «макароны» пороха. Если один конец поджечь, прижав к земле ботинком, а потом отпустить, макаронина стрелой улетала вперёд. Так соревновались между собой, у кого полетит дальше. Ещё был порох похожий на фотопластинки. Поджигаешь целую стопку и подбрасываешь вверх. Горит как фейерверк! По неосторожности некоторым обжигало лица и отрывало пальцы, но это никого не останавливало.

Следующее утро было пасмурным, ночью прошёл дождь. Ребята выгнали из дворов скотину и мы, зевая, отправились на место. Бомба чернела в траве мокрая и холодная. Все сразу кинулись к ней. Славка и Витька стали откручивать взрыватель, но он не поддавался. Они вытащили молотки и решили сбить окалину, колотя по корпусу и крыльям.

Я сказал:

– Погодите, надо отвести коров, – взял хворостину и погнал их на другой конец луга.

До сих пор не знаю, что толкнуло меня заботиться о чужих животных. Кто мне внушил, что это самое главное? Не успел я пересечь и половину лужайки, как волна спрессованного воздуха сбила меня с ног, а из ушей потекло что-то тёплое. Посмотрел назад – ни бомбы, ни товарищей не было. Несколько минут я лежал оглушённый, потом побрёл домой, то и дело натыкаясь взглядом на осколки… они были повсюду. Но не синие с золотым отливом, а части человеческих тел.

Наши войска отчаянно сражались под Брянском. Началась эвакуация. Жители, кто как мог, разъезжались по деревням или другим городам. Мать тоже сказала, что достала билеты в Пензу на пятое октября, и мы стали собирать вещи в узлы.

А третьего октября по мосту через Оку ехали вражеские тан-

ки. На улицах появились немцы. Они были в зелёных шинелях или куртках, на чёрных мотоциклах. Весело переговариваясь между собой на своём языке, стали высматривать, где им поселиться. Офицеры выбирали добротные дома, четверо разместились в нашей квартире. Они заняли две большие комнаты, выбросив ненужные вещи, а нас вытеснили в маленькую комнатушку, раньше служившую кладовкой.

Никто не ожидал их прихода, ведь фронт был в стороне. Наши, спешно уходя из города, взорвали зернохранилище, чтобы запасы хлеба не достались врагу. Помню, как жители оккупированного Орла долго ходили на элеватор, пытаясь из-под горелого слоя добыть более-менее пригодное для еды зерно. Магазины были разграблены.

Тюрьму тоже взорвали и затопили. Мать побежала туда, а мне строго-настрого велела оставаться дома. Два года назад она добилась перевода отца из Красноярска в Орёл. После того как в тридцать седьмом его взяли как врага народа, по вечерам мать раскладывала на столе листки бумаги, и мы с братом Лёвкой под её диктовку писали письма о том, какой наш папа хороший человек и арестован по ошибке. Конверты подписывали и отправляли товарищу Сталину, товарищу Молотову, товарищу Калинину, товарищу Ворошилову… Мама ездила в Красноярск, добилась пересмотра дела и перевода отца в Орёл. Но обвинение не сняли…

Я втайне от матери всё-таки побежал искать отца. В тюрьме стояла вода и тяжкий воздух, лежали тела незнакомых людей. Я заглядывал во все углы, но его нигде не было. Вечером вернулся домой. Мать сразу поняла, где я был, как я не отпирался. По запаху, пропитавшему мою одежду.

Через несколько дней немцы стали устанавливать свои порядки. В клубе железнодорожников устроили комендатуру, расклеили прокламации, обещая счастливую жизнь полицаям и людям, которые пожелают работать на Германию. Назначили награду за выдачу евреев и коммунистов. Организовали перепись населения и установили комендантский час.

Немцы, жившие в нашей квартире, были весёлые и вели себя как хозяева. Один немецкий военный с круглым лицом подарил Светлане шоколадку. По вечерам они собирались большой компанией, заводили наш граммофон, играли в карты, горланили песни. Их мотоциклы, накрытые чехлами, стояли во дворе, а аккумуляторы хранились в чуланчике под лестницей.

Каждый раз, когда я заходил в дом, мои глаза всегда останавливались на полках чулана, где стояли эти штуковины. Как-то раз я решил проверить их действие. Нашёл в немецком мешочке с инструментами проводок, лампочку на шесть вольт и подсоединил к одному аккумулятору. Лампочка загорелась. Здорово! Я перетащил аккумулятор в нашу комнату и установил над кроватью. Теперь я снова мог читать по ночам книжки! Мать стала бранить меня, но я сказал, что немец мне разрешил, ничего страшного.

У нас дома была фарфоровая фигурка Чарли Чаплина. На мой взгляд, Чаплин и Гитлер были очень похожи – одинаковые усы! Я раньше видел Гитлера в журнале «Крокодил». Вот как-то я взял эту фигурку и зашёл в большую комнату. Тыча пальцем в лицо комика, показал молодому немцу: «Гитлер! Фюрер!»

Он засмеялся, но другой немец постарше заорал: «Ю-юдэ-э!», бросился ловить меня, отнял фигурку и с размаху разбил её о стену. Потом пошёл в нашу комнату и схватил с комода гипсовый бюстик Ленина, нашёл гвоздь и стал царапать у него на лбу пятиконечную звезду. Я вцепился в его волосатую руку, повис на ней и всеми силами пытался отнять скульптурку. Наконец мне это удалось, и я, убежав в свою комнату, спрятал Ленина в шкаф. От немца. Но больше от мамы, мне было стыдно показывать ей испорченное лицо вождя.

Через несколько дней немцы всполошились, забегали по дому, собрали вещи и расчехлили мотоциклы. Сунулись в чулан за аккумуляторами, одного не хватает. Фриц кинулся туда-сюда, потом догадался посмотреть в нашей комнате. Увидел провод и лампочку, выругался, оторвал их и сунул в карман. Конечно, он не смог завести свой драндулет, аккумулятор сел.

Моторизованный полк выдвигался на Тулу. Замешкавшаяся группа немецких солдат догоняла свой отряд, таща на тросе выведенный из строя мотоцикл.

На освободившееся место сразу же заселились другие немцы. Они приехали на большой машине, крытой брезентом.

Наступили холода. Жить стало тяжело, не хватало еды. Нашей главной заботой стало найти дрова для обогрева жилья и добыть пропитание. С этого времени чувство голода стало постоянным.

Мать ходила по деревням выменивать наши вещи на продукты. Я как старший – уже тринадцать лет, тоже ходил с ней, и при удачном обмене помогал нести мешок. Помню, стучались во все избы, но не каждая хозяйка открывала. Если впускали в сенцы, мать торопливо развязывала замёрзшими пальцами узелок с одеждой и мелкими вещицами, раскладывая их на платке. Сельские женщины неохотно шли на обмен – своих детей кормить было нужно, ведь немцы уже прошли по деревням и отобрали всю скотину. Но всё-таки можно было найти картошку, свёклу или крупу.

На том же платке мать раскладывала карты, которые я нарисовал для неё на листках засвеченной фотобумаги, гадала. Женские вопросы были все об одном – об ушедших на фронт мужьях, сыновьях и братьях.

Иногда немного съестного можно было раздобыть на скотобойне. Там немецкие мясники разделывали туши коров, а внутренности выбрасывали. Люди, кто успел, растаскивали кишки по домам, мыли и варили бульон для похлёбки или каши. Потом фрицы решили установить порядок, и стали выдавать в одни руки по небольшому куску требухи. Могла достаться часть рубца, кишки или пластинчатой книжки. Ливер и сычуги они оставляли себе.

Жители окрестных домов выстраивались в длинную очередь. Один немец-раздатчик педантично соблюдал правило и аккуратно отдавал каждому человеку установленную порцию. Другой был толстый, с красной мордой, он разбрасывал с крыльца куски разной величины прямо на землю, как собакам. Кричал «руссиш швайнэ» и хохотал, находя развлечение в толкотне, когда голодные люди бросались подбирать его подачки.

Как-то я заметил, что на помойную кучу слетаются серые вороны, чтобы подобрать очистки и крошки. Я решил переловить их по одной и соорудил механизм, похожий на мышеловку. Положил приманку и стал ждать. После того как одна из хозяек выплеснула на кучу помои, стая птиц привычно собралась поживиться. Как только одна зазевавшаяся ворона попалась, остальные сразу взлетели на дерево. Я был горд своей добычей. Но после этого случая мне никак не удавалось приманить их повторно, сколько не бросал отходы или не выплёскивал помои. Они оказались очень умными птицами – наверное, запомнили меня, а может, ловушку, и больше никогда не приближались.

К новому году стало совсем туго. В деревнях заканчивались припасы, каждый раз нужно было идти всё дальше и дальше. У нас почти ничего не осталось на обмен, мать до последнего старалась сберечь несколько вещей в память об отце, но вскоре пришлось расстаться и с ними. У одной бабы из богатого дома загорелся глаз на отцовский серебряный портсигар. Она насыпала кулёк пшена и дала немного смальца со шкварками. Мать вскинула на неё глаза:

– Мало за такую вещь!

– Бери, что дают! – грубо отрезала она и выпроводила нас на крыльцо.

Мать закричала не своим голосом и стала стучать в дверь. Тётка выглянула на две секунды, сунула мне в руки какой-то увесистый свёрток и закрыла дверь на задвижку. Я обрадовался, развернул. Там оказалась миска квашеной капусты. Мать в исступлении стала колотиться о косяк, но никто не открывал. Смеркалось, дома нас ждали голодные Лёвка и Светланка, и нам ничего не осталось, как отправиться восвояси.